

Александр Сибилев

**ИСПОВЕДЬ
ПРОЩЕННОГО**

Александр Сибилев

ИСПОВЕДЬ
прощенного

Александр Сибилев

ИСПОВЕДЬ
прощенного

УДК 821.161.1(410)-1
ББК 84(4Англ=Рос)6-5
С34

Сибилев А.

С34 Исповедь прощенного: Сборник стихов. — Корталь: Свет на Востоке, 2013. — 240 с.

ISBN 978-966-2089-70-7 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-97-3 (Герм.)

Поэта Александра Сибилева наше издательство знает давно. Мы часто помещаем его стихотворения в журнале «Вера и жизнь». Стихи Александра Сибилева во всех отношениях соответствуют своему названию: они действительно поэтические творения. Во всех стихотворениях слышится пророческий голос истинного поэта, то есть поэту есть что сказать. Будь это красота природы, творения Божьего, взаимоотношения между людьми или отношение Бога к человеку и наоборот. Его поэзия отличается прекрасным, богатым русским языком, что в последнее время не так часто встречается. В ней, наряду с истинно классическими размерами и формами, постоянная новизна. Стихи поэта, светлые, сильные и чистые, побуждают к действию: молитве, изменению взаимоотношений с людьми или просто утешают и ободряют. Собранные в сборник, они составляют истинную шкатулку с драгоценностями, которые хочется сохранить, но которыми с радостью делишься с другими.

Редактор *Вальдемар Цорн*

Корректор *Елена Пеннер*

Верстка и дизайн *Андрея Цорна*

Изд. № 01.544

ISBN 978-966-2089-70-7 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-44-7 (Герм.)

ОТ АВТОРА

В 1964 году в Англии в последний раз был приведен в исполнение приговор, предусматривавший высшую меру наказания, — казнь через повешение. Последним преступником, к которому эту меру применили, был Питер Аллен. Тяжелым взглядом смерив виселицу, он внезапно повернулся к читавшему молитву англиканскому священнику и спросил: «Ты действительно веришь в небеса и ад?» Получив утвердительный ответ, он с упреком сказал: «Если бы я лично верил, я забросил бы все дела, чтобы предупредить близких и друзей о том, что их может ждать после смерти. Я пошел бы по городам и весям, говоря каждому, что его ждет, если не покается. Я бы не мог спокойно проводить вечность на небе, зная об участи, постигшей этих людей, и думая о том, какие они испытывают муки».

Вот такой убежденностью, таким святым беспокойством обладала моя мать. Она говорила людям о Боге на улице и в очередях, а они, посмеиваясь, крутили пальцем у виска. Помню, как она однажды вернулась домой в слезах, униженная и оскорбленная за имя Господне. Я и сам неоднократно срывался и кричал, а она, проявляя должное терпение, прощала, плакала и молилась. Такая евангелизация в духовной пустыне Советского Союза была тяжелым бременем. В конечном счете мать привела меня к Богу, но сердце, надорванное годами долготерпения и страданий, вскоре остановилось. Она ушла к своему Создателю с сознанием исполненного долга.

Читая оставленную мне Библию, я понял, что фактически убил собственную мать. Воистину живущий во грехе не ведает, что творит. Вот почему в первых сборниках немало стихов посвящено этой кроткой и неутомимой труженице, отдавшей жизнь свою ради сына. Она могла меня простить, но не могла меня спасти, поэтому привела меня к Иисусу, Который сделал это за нее.

Я жил не так, как хотелось не только матери, но и Богу, тратил годы на пустое, наносное, поэтому после обращения много свободного времени уделял переводам и стихам, пытаясь хотя бы таким образом в какой-то степени наверстать упущенное. Стихи, включенные в предлагаемый сборник, — это стихи, отражающие мои прежние приоритеты, и стихи, воспевающие Бога за Его милость. Если первые исполнены горечью, желчью, злобой, беспомощностью, безысходностью, то последние — о том, что «истинно, честно, справедливо, чисто, любезно, достославно». Читая одни, можно понять, каким я был, читая другие, — каким я стал. Читая одни стихи, видно, сколько во мне было гнили, читая другие, — насколько Бог меня изменил. Вот почему предлагаемый читателю сборник является своего рода исповедью.

Благодарю, Господь, Тебя сердечно
За жизни дар, который получил,
За то, что на земле живу не вечно,
За свет, который душу озарил;

За то, что, Вседержитель мироздания,
Пренебрегая славою небес,
За зло мое понес Ты поруганье,
Был предан смерти крестной и воскрес;

За то, что, всеблагой и неизменный,
Меня Ты бескорыстно возлюбил,
За то, что Ты один во всей Вселенной
Источник высших благ и вечных сил;

За то, что благодать Твоя отныне
Неистошима в существе моем...
Прости, что я по жизненной долине
Шел слишком долго собственным путем.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ
НА ХОЛСТЕ СТОЛЕТИЙ
СТИХИ ДУХОВНЫЕ

МУЗЫКА ДУШИ

В наш бурный век так редко удается
Уединиться в благостной тиши
И слушать с упоением, как льется
Божественная музыка души.

Она течет с небесного Фавора —
Верх совершенства, судя по всему.
Я знаю только имя Дирижера,
А как впадает в душу — не пойму.

О, счастье — жить минутой этой редкой,
Дарованной душе как благодать,
И каждым чутким нервом, каждой клеткой
Небесным звукам трепетно внимать!

Поток их сладкозвучный столь обилен,
Что замер я в сиянии луны,
Безгласен, очарован и бессилен
Перед великой силой тишины.

ОТЧАЯНИЕ

Яд раздражения, желчи и злобы
Долго он в сердце носил,
Не доверяя Создателю, чтобы
Жизнь Он его изменил.

Личность свою возносил он высоко
И, может быть, потому
В гневе порой обходился жестоко
С теми, кто дорог ему.

Так и живет он без духа смирения,
Жалок, завистлив, двулик,
Не сознавая весь ужас падения,
Не укрощая язык.

В нем, как гнойник, все пороки от века.
Весь он — хула и борьба.
Боже, избавь от того человека —
От самого себя.

УТРЕННИЕ РАЗДУМЬЯ

Сегодня, несомненно, я еще не согрешил,
И день мне представляется нормальным:
Еще ни с кем не ссорился, ни разу не вспылал,
Являюсь безупречным, идеальным.

Еще не жаждал славы я, гордыни не являл,
Себя лишь одного считая правым.
Ни жадности, ни зависти пока не испытал,
Не говорил неправды, не лукавил.

Еще недобрым словом никого не помянул,
Не осудил поспешно, ненароком,
Со скрытым вожделением на женщин не взглянул,
Не предавался мысленно порокам.

Как будто все в порядке. В суету земного дня,
Поднявшись, погружусь я очень скоро.
Тогда Ты знаешь, Господи, как будет мне нужна
Во всем Твоя великая опора.

ПРИЗНАНИЕ

Я шагаю по краю:
Ни покоя, ни сил.
Каждой клеткою знаю —
Тяжело согрешил.

За окном рассветает,
Но, увы, не уснуть —
Так надсадно вздыхает
Утомленная грудь.

Знаю, грешник отпетый, —
Угасил в себе дух, —
Что уже на рассвете
Крикнул дважды петух;

Что молитва бессильна,
Если пыл охладел,
Что погашен светильник,
И алтарь опустел;

Что в душе царство стужи,
Что пустился в бега
И что вряд ли мне нужен
Третий крик петуха.

* * *

Жалкий, потерянный, лишний,
Загнанный в угол Иона,
Как мне на дне этой жизни
Силы найти для подъема,

Чтобы из мрачной низины
Лезть и карабкаться в гору,
Слезы оставив в долине,
В жизни ненастную пору?

Верить, молить, доверяться,
Помнить, что скорбь не навеки.
Дерзостно переправляться
Вплавь через бурные реки.

Будут отвесные скалы,
Будут опасные кручи,
Будут в снегах перевалы,
Но впереди Всемогущий.

Нет для унынья причины,
Все перемелется скоро.
Прочь из туманной долины!
Путь мой к вершине Фавора!

* * *

Долго, Боже, в сердце Ты стучался,
Словно путник запоздалый в двери.
Долго-долго я сопротивлялся,
Не желая жизнь Тебе доверить.

Но однажды как-то нежно-нежно
Ты задел мне душу за живое,
И я понял, пилигрим мятежный,
Что отныне жизнь моя с Тобою.

Зазвучали арфы неземные.
Потрясенный, на колени пал я.
Ты, любя, сказал слова такие,
От которых весь затрепетал я:

«Ждет тебя тернистая дорога.
Сын Мой, Я пойду по ней с тобою.
У тебя печалей в жизни много,
Долго ты был мучим сатаною.

Но отныне будет все иначе,
Ибо, всеблагодой и милосердный,
Я спущусь с тобой в долину плача
И пойду с тобой долиной смерти».

МУКИ СОВЕСТИ

Долго шел к Тебе я, Боже,
Слепо падая в кювет.
Вот и совесть снова гложет
За грехи ушедших лет.

Я прощен, я это знаю,
Но, случается порой,
Дьявол метко поражает
Ядовитую стрелой.

«Вспомни то да вспомни это, —
Мне он вкрадчиво твердит, —
Твоя песня, друг мой, спета,
Бог такого не простит».

Он умело искушает:
«Что ответишь на суде?»
Совесть душу обжигает
В беззащитной нагоде.

Заболит былая рана.
Но, схватив духовный щит,
Я врагу противостояну,
И он, дрогнув, убежит.

И уляжется тревога,
И наступит мир в груди...
Лишь душа в сплошных ожогах
Шепчет: «Господи, прости!»

МОЛИТВА

Подави во мне, Господи, звуки,
Порожденные жизнью мирской.
Дай прожить непосредственно в Духе,
В постоянном контакте с Тобой.

Мне не надо удела иного —
Лишь пройти сквозь кромешную тьму
Под водительством Духа Святого
В послушании кротком Ему.

Удали сорняки укоризны,
Все, что может мой дух угашать.
Дай в любых обстоятельствах жизни
Только голос Любви различать —

Тот один, что от Божьего Духа,
Что ведет среди ночи и дня,
Вразумляя как лучшего друга,
Вырывая навек из огня.

Только тот, что утешит, наставит,
Даст душе прочный мир и покой,
В даль небес мои мысли направит
И навек поведет за собой.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Сорок лет своей жизни
я кружил по пустыне,
По нехоженным тропам,
в непролазной грязи,
По бескрайним болотам,
по коварной трясине,
Не заметив ни разу
Иордана вблизи.

Я в собрании мертвых
слушал все, что негоже:
Брань и мерзкую ругань,
опустившись до дна,
И в разгульном веселье
голос явно не Божий,
А того, кто в погибель
вел по краю меня.

Я не шел и не мчался —
я летел к катастрофе
Без надежды, без цели,
по пути в никуда;
Ослепленный грехами,
несся мимо Голгофы,
Не заметив ни крови,
ни страданий Христа.

Даже страшно представить,
что со мной бы случилось.

Я погиб бы навеки,
не дожив до седин,

Если б сердцем не принял
наивысшую милость,

Что сошла благодатью
с лучезарных вершин.

Вот и вся моя повесть.

Это, в общем, немного.

А за то что омыт я

и прощен навсегда,

Да прославится имя

Всемогущего Бога

И Подателя жизни

Иисуса Христа.

* * *

С щенячьим восторгом одежды делили,
Глумясь, на чело возложили венец,
Избили свирепо, к кресту пригвоздили.
Шутя и смеясь, предвкушали конец.

Оплеванный тьмой и покинутый Светом,
Оставив ярчайший в истории след,
Он дух испустил, чтобы с новым заветом
Прощенные встретили первый рассвет.

* * *

Однажды весь мир соберется на суд,
Но горе отвергшим Божественный глас:
Рожденные раз, они дважды умрут...
Рожденные дважды умрут только раз.

СВЯТОМУ ДУХУ

Приди, о Дух Святой,
И жертвенным огнем
Веди нас за собой
Единственным путем.

Учи и наставляй,
Не видимый очам,
И путь наш озаряй
К желанным Небесам.

Дух истины святой,
Утешь и вдохнови
Идти прямой стезей
К источнику любви.

Свети и пламеней,
Предтеча всех веков,
И дух любви излей
Как лучший из даров.

Живого Бога Дух,
Ты жизнь, любовь и мир,
Небесный верный друг,
Божественный кумир.

Расправь Свои крыла,
Зажги огонь в сердцах,
Чтоб Церковь здесь была,
Как там, на Небесах.

* * *

«Небо и небеса небес не вмещают Тебя» (2 Пар. 6:18).

Нам Божьего Духа вовек не постичь —
Он, Дух, не подвластен уму.
Вселенная Бога не может вместить,
В галактиках тесно Ему.

Откуда приходит и что говорит,
Неслышно зовя и маня,
Неведомо мне, но ведет и хранит
Незримая сила меня.

Ведет по неровным дорогам земным
Домой, в голубые края,
И этой незримою силой храним,
Живу, благоденствую я.

Живу и дышу, расправляя крыла.
Как мог я, глупец, без нее?
Вселенная Бога вместить не смогла,
Но сердце вместило мое.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

О, как она желала привести
Обоих сыновей к рождению свыше,
Направить нас по верному пути,
Ведущему в небесное жилище.

В ответ я оскорблял ее не раз,
В безумии захлопнул сердца двери.
Но не смолкал ее призывный глас,
И наконец я в Господа поверил.

Мечта ее заветная сбылась,
Но оставалось сил в душе немного.
Не вынесла обид, надорвалась
И, выполнив свой долг, ушла до срока.

Я подвиг этот в сердце берегу.
Не будь ее, могло все быть иначе.
Я вечно буду перед ней в долгу...
А этот долг Спасителем оплачен.

НА ЧТЕНИЕ БИБЛИИ

Читая Слово Божье, пытайся отыскать
Сокровища, запрятанные в нем.
Вникай и углубляйся, старайся размышлять
Над каждой главою и стихом,

Над каждым предложением, над сутью мудрых слов,
Над смыслом и значением всего,
Приняв как высший кодекс незыблемых основ,
Как эталон хождения твоего.

А камни преткновения, доверившись Христу,
У ног Его молитвенно сложи...
И обратит Спаситель духовную руду
В несметные сокровища твои.

* * *

Клара Шуман, вдова композитора,
Перед тем, как публично играть,
Письма мужа читала любовные,
Чтобы в них вдохновенье черпать.

Так и мы, почерпнув из Писания
Дивной Божьей любви эликсир,
С большей ревностью весть о спасении
Понесем в погибающий мир.

ПАСТОР И МИЛЛИАРДЕР

*«Не собирайте себе сокровищ на земле...
Но собирайте себе сокровища на небе» (Мф. 6: 19—20).*

Известный пастор как-то посетил
Роскошный особняк миллиардера,
Где мудро и с любовью говорил
О Боге, о спасении, о вере.

Последовал обед. Затем повел
Хозяин гостя посмотреть на местность.
С холма открылся вид на лес и дол,
В красе своей предстала вся окрестность.

Внизу бурлил веселый водопад,
В саду резвились бабочки, как дети.
«Подумать только, двадцать лет назад
Я не владел ничем еще на свете.

А ныне все кругом — моя земля:
На юге — скот, на севере — дороги,
На западе — пшеничные поля
И вышки нефтяные — на востоке».

«А там, — вдруг пастор пальцем указал
На небосвода светло-синий купол, —
Какой туда вложил ты капитал?» —
«Об этом я, признаться, не подумал».

О человек! Пока не пробил час,
Пока твое не кончено хождение,
Вложи свои сокровища сейчас
В нетленные небесные владенья!

НУЖДА

Верни, Господь, духовный мой заряд,
Направь по верным рельсам мысль мою.
Внеси неизмеримый ценный вклад
В поэзии словесную струю.

Дай мудрости в подборе точных слов,
Чтоб каждая рожденная строка
В живом потоке льющихся стихов
Текла, как полноводная река.

Дай новых ясных мыслей, вразуми,
Чтоб из меня хоть малый вышел толк.
Словесный дым стихов моих прими
Как поздний дар, как неоплатный долг.

Чтоб пламенными строфами воспеть
Тебя, живого Бога и Творца,
Дай творческие муки претерпеть
До точки. До победного конца.

* * *

Банальная житейская картина:
Присев на мягком стуле у окна,
Задумался, насупившись, мужчина.
Напротив — удрученная жена.

Он, выслушав серьезные упреки,
В конце концов опомнившись, сказал:
— Твои слова невиданно жестоки.
Хоть раз тебе я в чем-то отказал?

За первым туром по карибским странам
Я приобрел в столице новый дом,
Купил у моря виллу, сад с фонтаном,
И не было отказано ни в чем.

Колье, духи и прочие подарки
Не только в дни рождения дарил.
Желала «Мерседес» последней марки,
И я на нем в Мадрид тебя возил.

Верчусь я в этом мире, как кассета.
В шкафах какие платья у тебя!
— Ты, милый, в самом деле дал все это, —
Жена, прервав, промолвила, скорбя, —
Возможно, подарил ты мне полсвета,
Но никогда не отдал мне себя.

Спаситель, ради нас оставив Царство,
Измученный, на древе умирал
И дал нам всем несметные богатства,
А главное, Себя всего отдал.

Нижеследующее стихотворение состоит из одного-единственного предложения.

АЛЛИЛУЙЯ

Пусть хвалою сердечною
В настоящем и будущем,
Благодарностью вечною,
Сердцем кротким и любящим;
Ликованием радостным,
Благочинным хождением,
Песнопением благостным,
Неуемным горением;
Словом устным и письменным,
Звонкой многоголосицей,
Фимиамом молитвенным
Аллилуйя возносится —
Под синеющим пологом
Над землею цветущею
Уплатившему дорого
И так щедро Дающему.

ПРИЗЫВ

Пока еще доступна благодать
Любому человеку и народу,
Так архиважно истину познать
И обрести в ней вечную свободу.

Пока не отзвучал небесный глас,
Пока еще планета не в цейтноте,
На башнях не пробил последний час
И серп Жнеца не приступил к работе,

К пробитым, окровавленным ногам
Пади, душа, как воин в грозной битве,
Возвьись свой голос к чутким небесам
В отчаянной, спасительной молитве.

Всем сердцем устремляйся в небеса
Свободной птицей, взмывшей ввысь из клетки,
Пока блестит рассветная роса
На травах, на цветах, на каждой ветке.

Пока не все исчерпаны деньки,
Уничжайся до самозабвенья:
Небесные ворота столь низки,
Что можно в них войти лишь на коленях.

ЛИЦЕМЕР

Судят люди ошибки чужие
И пристрастно о них говорят.
Не судите, мои дорогие,
Нам Писания так не велят.

Кто из глаза бревно смело вынет,
Чтобы в чьем-то увидеть сучок?
Кто нагнется и камень поднимет?
Разве свят он и славен, как Бог?

Да, никто в самом деле не славен.
Друг, не гневайся, душу губя.
Когда перст твой в кого-то направлен,
Три других осуждают тебя.

Бог нас всех одинаково любит,
И понять нужно только одно:
Он помилует или погубит.
Так что третьего здесь не дано.

И когда в раздражении снова
Ты готов будешь яд свой излить,
Глянь-ка в зеркало Божьего Слова...
Вот кого ты лишь вправе судить.

ПОБЕГ

Жил некогда на свете добрый гений,
Служивший Богу преданно и кротко.
Настали дни невиданных гонений,
И сразу угодил он за решетку.

Шли месяцы. Однажды утром рано
Он просто чудом вырвался на волю,
И зоркая тюремная охрана
Гналась за ним по вспаханному полю.

Бежал он, задыхаясь, еле-еле.
Казалось, от погони нет спасенья.
Когда все были силы на пределе,
Добрался до окраины селенья.

Вбежал в пролом заброшенного дома
Под пышной кроной дремлющей осины,
И чудо — вскоре поперек пролома
Блеснули нити серой паутины.

Водимый Богом, славно потрудился
Паук, отнюдь не ведая об этом,
И враг, спеша, на обыск не решился:
Коль столько паутины — смысла нету.

Прошли года, окончились гоненья,
И мир узнал о совершенном чуде.
Для всех, познавших Божий план спасенья,
Так было, есть и непременно будет.

А недруги безжалостно судили,
И это не смущало их нисколько.
С усмешкой они едко говорили,
Что чудаку, мол, повезло и только.

Всесильным Провидением хранимый,
Он отметал везенье, как нелепость:
«Где Бога нет, там крепость — паутина,
А там, где Бог, и паутина — крепость».

ЛЮБОВЬ

Ходит любовь в ослепительных ризах
С чистой каймой — в придорожной пыли.
Денно и ночью ей дорог и близок
Каждый измученный странник земли.

Ходит, по твердым ухабам ступая,
Ноги о камни избив до крови,
Жертвой себя на алтарь отдавая
Веры, надежды и вечной любви.

Входит в дома не веселья, а плача,
Смело избрав среди терний стезю,
Кормит сироток — а как же иначе? —
Бедной вдове утирает слезу.

Ходит по синему морю и суше,
Жалким трущобам земных городов,
Чтобы извлечь очерствелые души
Из-под обломков их смертных грехов.

Ей недосуг любоваться природой,
Плавным течением светлой реки —
Рухнет без сил пилигрим на дороге,
Если любовь не протянет руки.

Пусть ее гонят, от злобы бледнея,
Пусть обрекают на гибель и тлен,
Служит любовь, ни о чем не жалея
И ни о чем не мечтая взамен.

До познания Иисуса Христа жена, как и многие люди этого мира, была суеверной. Обманутая цыганкой, выманившей у нее кольцо, она считала, что брак наш скоро разрушится.

НА 25-ЛЕТНИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

Сердце скажет лучше, чем перо.
Сердце пишет краше, чем рука...
Все, что достохвально и старо,
Лебедем плывет издалека.

И приходит вешняя пора
Под шуршанье старых тополей
С берега туманного вчера
К берегу сегодняшних огней.

Пусть не все сбылось — не в этом суть.
Не грусти, сожми мою ладонь.
Мы прошли достойно долгий путь
Через дебри, бури и огонь.

Мы делили радость и беду —
Все, что жизнь бросала нам в лицо,
И одну счастливую мечту,
И одно печальное кольцо.

Пусть горит полночная свеча,
Пусть объят дремотой дальний лес,
В мире мы с тобой, как два луча,
Брошенные факелом небес.

Я не знаю: сколько нам светить.
День за днем несутся чередой,
И однажды оборвется нить,
Что соединяет нас с тобой.

Но еще пока мы соль земли,
Будем же ценить, что Бог нам дал,
Верить в то, что в Нем мы обрели
Высший смысл и вечный идеал.

Пусть пребудет в наших Он сердцах,
А когда окончим путь земной,
Состоится встреча в небесах
Вместо нашей свадьбы золотой.

ТОЛЬКО ВЕРЬ

*«Верою перешли они Чермное море...
Верою пали стены иерихонские» (Евр. 11:29–30).*

Если в грозном преддверии битвы
Вера в Бога крепка, как гранит,
После кроткой, усердной молитвы
Он победою благословит.

Верь под самой немислимой ношей,
Тяжким гнетом житейских скорбей
И пребудешь под милостью Божьей
До последней минуты своей.

Он — твердыня, скала и опора.
Только в Нем на тернистом пути
Сдвинет вера могучие горы
И растопит полярные льды.

Где все видится страшным и грозным,
Где в отчаянье рвутся сердца,
Невозможное станет возможным.
Только верь. До конца. До конца.

НА ИСЦЕЛЕНИЕ ЖЕНЫ

«Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам» (Мк. 11:24).

«Я услышал молитву твою, увидел слезы твои. Вот, Я исцелю тебя...и прибавлю к дням твоим пятнадцать лет» (4 Цар. 20:5–6).

Благодарю, Господь, за исцеление
Возлюбленной подруги и жены,
За то, что снял в зловещий час затмения
Расставленные сети сатаны;

За верность Своему обетованию,
За огненную печь в ее судьбе,
За веру, что окрепла в испытаниях,
За силы в изнурительной борьбе;

За то, что в час, когда уже не верили
Друзья и медицинский персонал,
Ты наше безграничное доверие
Для вечной Своей славы оправдал;

За то, что нас любя любовью вечною,
Расставленные вехи тут и там
От горизонта — рубежа конечного —
Ты передвинул к новым рубежам.

Мне было стыдно признаться жене в создании этого стихотворения, поскольку я всегда ее ободрял. Написал я его в минуту слабости, свойственной человеку.

Она узнала о нем лишь после своего дивного исцеления.

В МИНУТУ СЛАБОСТИ

Когда нас с тобою разлучит
По воле небесной судьба,
Не знаю, каким уже будет
Дальнейший мой путь без тебя.

Еще не окончена сага
И смелый не прерван полет,
И нет у земных эскулапов
Надежды на лучший исход.

Пока не явилось ненастье
В причудливой пляске земной,
Приемлю как благо, как счастье
Любую минутку с тобой.

И в холод, и в зной по планете,
Водимы любовью, мы шли
Счастливые четверть столетья
По пыльным дорогам земли.

Любовь — это жизни основа,
А жизнь в этом мире, считай,
Вмещается в кратких два слова —
«Привет» и, как выстрел, «прощай!»

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Ангел неожиданно возник в вечерней мгле
Вестником беспрецедентной вести.
Стала дева юная — одна на всей земле —
Высшей удостоенною чести.

Над притихшим Назаретом в неземной дали
Звездный свет застыл над тишиною.
«Ты благословенна между женами земли,
Радуйся, — сказал, — Господь с тобою.

Дух сойдет и осенит, во чреве ты зачнешь.
Наречется плод твой Божьим Сыном».
Проливался лунный свет, как благодатный дождь,
На сады, на склоны, на долину.

Молвила: «Да будет мне по слову твоему»,
Умаясь в смирении глубоком.
И открылась тайна, недоступная уму, —
Слово, предреченное пророком.

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

Зажглась над миром избавления заря,
Когда оставил Иисус небесный трон.
Тернистый путь уничиженного Царя
Был предначертан с незапамятных времен,

Чтоб стать Спасителем для гибнущих в грехах,
Слугою всех, кто был в опасной кабале,
Отдав все лучшее, что было в Небесах,
За наихудшее, что было на земле.

РОЖДЕСТВО

Никто Его прихода не признал,
Хотя пришел Мессия в самом деле.
В пастушеской пещере Он лежал —
Мальш на кучке сена в колыбели.

Все звезды мира в честь Его зажглись
Над Вифлеемом светом благовестия,
Где светлым взором, устремленным ввысь,
Он видел Крест и дальние столетия.

МУРАВЬИ

Предвечный Творец мироздания,
Ты в дальней дали голубой
Глядишь с неослабным вниманием
На наш муравейник земной,
Несущийся к собственной гибели
На резком, крутом вираже,
Где главное — максимум прибыли
И минимум места душе.
Твоя чистота ослепительна
Для душ, кто ее возлюбил.
Твоя благодать изумительна
Для всех, кто ее получил.
Но их меньшинство, к сожалению,
Избравших спасительный путь,
Кому только слово «прощение»
Волнует и сердце, и грудь.
Весь мир суетится и мается,
Бурлит муравейник с утра,
И грубо любовь отвергается
Воскресшего в славе Царя.
А Он в Небесах с верным воинством,
С престола, где мир и любовь,
Глядит со спокойным достоинством
На жалкий мятеж «муравьев».

УРОК

Летят года, и время всех уносит.
Блажен, кому порою в век жестокий
Предвечный Бог с любовью преподносит
Терпения и мудрости уроки.

Жива легенда о миссионере,
Кто Весть Благоую нес в чужие страны,
Кто не ослабевал в любви и вере,
Чья жизнь была трудом благоуханным.

Однажды он ужасно утомился,
Вблизи села свалился на дороге
И с пламенным усердием молился,
Хотя от свежих ран болели ноги.

«Я был Тебе единому послушным
И Духом был Твоим всегда водимый,
К пропащим душам не был равнодушным,
На жизненных путях Тобой хранимый».

Имею что поесть, во что одеться,
Однако вот ботинки обветшали.
Ведь ноги шли всегда по зову сердца
Туда, где никогда Тебя не знали.

Я знаю, Боже, в милости с Тобою
Никто в подлунном мире не сравнится.
Нет выше чести быть Твоим слугою,
Но дай мне обувь, чтобы вновь трудиться».

О, парадоксы нынешнего века!
Едва с колен усталых он поднялся,
Как в трех шагах увидел человека,
Который вряд ли в обуви нуждался.

Он был без ног, но взор был добрым, чистым.
Сказал, как будто не было потери:
«Дай Бог Вам сил по тропам каменистым
Нести небесный свет любви и веры».

И замер благовестник, потрясенный
Невероятным жизненным уроком,
И вновь воззвал, коленопреклоненный,
В нахлынувшем волнении глубококом:

«Господь, я закрываю эту тему.
И с верой вновь пускаюсь в путь далекий...
О, как я благодарен за проблему —
Во что обути измученные ноги!»

ЗАГАДКА

«Судия всей земли поступит ли неправосудно?»
(Быт. 18:25).

Творец создал без красок и кистей
Картину жизни на холсте столетий.
Земные дни веселья и скорбей
Нанес Он от рождения до смерти.

Нам взглядом охватить ее нельзя
И не постичь — напрасная надежда —
Сокрытую в ней тайну бытия,
Где святость душ и грязные одежды,

Где у жестокой смерти не отнять
Малюток, что еще не согрешили,
Где здравым смыслом просто не понять,
А интеллект заведомо бессилён.

Мы видим все сквозь тусклое стекло
Плоти, неполноты, несовершенства.
Но час придет, когда врагу назло
Достигнем мы небесного блаженства.

И, увидав от бурь земных вдали
Все то, что прежде видеть было трудно,
Постигнем, как был прав Судья земли,
Ни в чем не поступив неправосудно.

ЮНОМУ ХРИСТИАНИНУ

Благодари, душа, Христа
За белизну твоих одежд,
За кровь, пролитую с креста,
За светлый мир твоих надежд;

За хлеб и пищу на столе,
За то, что счастьем дышит грудь,
За край на компасной игле,
Куда ты держишь верный путь;

За смех и радость вешних дней,
За звук любимых голосов,
За верность преданных друзей,
За материнскую любовь;

За то, что в жизнь открыта дверь,
За чистой юности мечты...
За боль и горечь всех потерь,
Что неизбежны впереди.

ВЕРА

«Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам» (Мк. 11:24).

Сколько о вере рассказано!
Сколько бумаги исписано,
Сложено песен восторженных,
и это еще не конец.
Кроткая и непреклонная,
в муках живых она вписана
Кровию Агнца—Спасителя
в томики наших сердец.

Мы веру храним и лелеем,
как память, что душу нам греет,
Как песнь, что ведет, окрыляет
и к светлым высотам манит.
А это не просто, коль вдуматься,
верить, что Бог все умеет, —
Это еще и уверенность,
в том, что Он совершит.

НА ДАЛЕКОЙ ВЕРСТЕ

Когда годы мелькают,
 словно вспышки зарниц,
Когда весны, как пули,
 мимо нас пролетели,
Неожиданно хрупкой
 представляется жизнь.
Это значит, дружище,
 мы и впрямь постарели.

Это значит: пора нам
 в тот единственный путь
По коварным дорогам
 к рубежам Ханаана,
Где во мраке кромешном
 разрывается грудь
Среди бурных течений
 и ночного тумана.

Нам не взять, пилигримам,
 ни кола, ни двора,
Ни реликвий, ни званий —
 лишь надежду на Бога.
Что нам блеск изумруда?
 Что нам клад серебра?
Только дым, только пепел,
 только пыль на дорогах.

А когда завершится
 предназначенный путь,
Что дается однажды
 всем живущим на свете,
Не постичь бесконечность
 и не выразить суть
Всей любви Иисуса
 в мириадах столетий.

СУДИСТОРИИ

*«Вольтера все бранят, что Бога он не знал,
Но осуждать его за это я не смею;
Пускай его бранят, а я о нем жалею:
Он веры не видал».*

П. Вяземский

Бранят Вольтера: Бога он не знал.
Судить за это я его не смею.
Лишь об одном печально сожалею,
Что душу он навеки потерял.

Сумел студентам ересь он внушить,
И те, ослепнув, умопомрачились
И в гроб однажды Слово положили,
И понесли публично хоронить.

История бесстрастная хранит
Сказание о том, как тьма бесилась.
Но вот что в результате получилось:
На месте, где кощунство совершилось,
Сегодня общество библейское стоит.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Прости меня, милая мама,
За то, что ты бедно жила,
За то, что судьбы твоей драма
Здоровье твое унесла;

За то, что последние силы
Ты щедро дарила в пути,
За то, что свой крест до могилы
Смирненно смогла донести;

За то, что, умывшись слезами,
Ушла ты навек отдохнуть,
За то, что земными скорбями
Был вымощен жизненный путь;

За то, что, пример подавая,
Упорно шагала вперед...
Спасибо тебе, дорогая,
За то, что, любя и страдая,
Вела нас к Источнику вод.

НА ПОБЕЛЕВШИХ НИВАХ

Пока еще не пройдена дорога
И пламень в чутком сердце не угас,
Усердней будем ниву жать для Бога,
В мучениях распятого за нас.

Дерзая и трудясь самозабвенно
И не жалея времени и сил,
Используем во благо дар священный,
Которым Он нас щедро наделил.

Пусть бесятся и злятся силы ада.
Что лютых стрел свирепый ураган?
Нас ждет необычайная награда,
Когда преодолеем Иордан.

Нас возродит Господь из пепелища,
Восставит из могил, со дна морей
И вознесет в нетленное жилище,
В сияние немеркнущих лучей.

ГОЛУБКА

Гуляя, я заметил случайно под окном
Усталую голубку с израненным крылом.

Весь вид ее печален, в глазах испуг и боль.
Как будто ей на раны посыпал кто-то соль.

Я взял ее в ладони, погладил, приласкал,
Промыл ей нежно ранку, крыло перевязал.

Подал воды и пищи, пригрел и приютил:
Дай Бог тебе окрепнуть, набраться новых сил.

И вмиг она забылась благословенным сном.
И снилось ей, как речка петляет под крылом,

Как в зеркале залива в глубинах чистых вод
Синеет край родимый заоблачных высот.

МАТЬ

*«При кресте Иисуса стояли мать Его, и сестра матери
Его...» (Ин. 19:25).*

Он все свершил, издав последний вздох.
Безумно ликовала злая сила.
От Бога резко отвернулся Бог,
И тьма зловеще землю поглотила.

Иные в страхе бросились бежать.
Тряслись, как лист, земля и мирозданье.
А рядом у креста застыла мать
В невыносимом горе и страданье.

И, глядя на распятую любовь,
Сильней которой нет на белом свете,
Роняла слезы в жертвенную кровь,
Пролитую за грех тысячелетий.

НА ЧТЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16).

С жаждой книжечку святую
Достаю я из кармана.
Так отраднo Весть Благуя
Прочитать из Иоанна.

Мир безбожный чужд и мерзок —
Море грязи и разврата:
Сын с родителями дерзок,
Брат врагом считает брата.

Ну, а здесь — сердце сближенье,
Никого никто не судит.
Дай, о Боже, пробужденья,
Пусть твой зов услышан будет.

Потому сейчас, сегодня,
Вешним громом пусть раздастся
Над землей и в преисподней
Иоанна, 3:16.

ВЕЧНОСТЬ

Вне пространства и вне времени,
Как из Книги книг известно,
В непроглядной черной темени
Божий Дух витал над бездной.

Вдруг, как вспышка, озарение,
И «Да будет...» прозвучало.
С тех кипучих дней творения —
Всей истории начало.

Век не тот, а песня старая:
Грех остался нормой жизни.
Не по Божьему сценарию
Происходят катаклизмы.

Отзвучит струной оборванной
Поступь гулкая столетий.
Тьма на все четыре стороны
Восстановится на свете.

Завершит свой ход история,
И на жизнь не будет срока.
Нет у Бога предисловия.
Нет у Бога эпилога.

НЕЧЕМ ХВАЛИТЬСЯ

Бог ведет, чтоб не сбились мы с верной дороги на небо,
Ободряет в печали и мир посылает в скорбях;
Насыщает голодных горбушкой духовного хлеба,
Изнуренных и павших с любовью несет на руках;

С каждым утром вливает в нас новые, свежие силы.
И хотя мы для Царства плоды и приносим подчас,
Наша слава не в том, что для Господа мы совершили,
А единственно в том, что соделал Спаситель для нас.

В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ

*«Исчислил Бог царство твое и положил конец ему...
Ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5:26–27).*

Каким параметром, не знаю,
я оценил бы жизни повесть —
Маршруты, вехи и этапы
еще недавнего пути.
Какими точными весами
я мог бы взвесить свою совесть,
Какою мерою измерить
короткий путь, что впереди?

А жизнь возможно ли измерить,
что так стремительно проходит,
По пламенеющим закатам,
по опадающей листве,
По предрассветному туману,
что в памяти доныне бродит
Среди рябин и краснотала,
по увядающей траве?

Каким мерилом взвесить совесть,
что растерял я на дорогах,
Листая дни свои и ночи
на заключительной версте:
По неизменному закону
для человечества от Бога
Или по тонким струйкам крови,
пролитой в муках на кресте?

Каким критерием исчислить
отрезок жизни на излете —
По незабрезжившим рассветам,
по стертой шине колеса?
Ответ простой в Священной книге
я отыскал в конечном счете:
По скромной узенькой тропинке,
бегущей прямо в Небеса.

КТО?

Кто во мгле витал до дней творения?
Кто повесил Землю ни на чем?
Кто с любовью нес Свое служение
День и ночь молитвой и постом?

Тот, Кто вел народ пустыней знойною,
В облаке являлся среди дня,
В огненном столбе вел ночью темною
Пламенем небесного огня;

Тот, Кто предпочел уничтожение,
Стал таким же смертным, как и мы,
Предопределив Свое рождение,
Восторжествовав над властью тьмы.

Только Он, воскресший по Писанию,
Славой озаренный навсегда,
Знавший и отмеривший заранее
Наши жизни, судьбы и года.

* * *

Мне тепло оттого, что живу среди Божьего стада,
Воспевая добро, а не зло, что приносит беду,
И клейменный за то, что родился не там я, где надо,
Я блажен оттого, что туда, куда надо, иду.

НАЧАЛО

Стоял голгофский крест, как эшафот,
Как символ мук, страданий и позора.
Сын умер, смерти объявив бойкот,
Без стога, без единого укора.

Он сделал все, как повелел Отец,
Познав всю горечь мук и смерти жало,
Чтоб понял мир: со смертью не конец,
А только лишь бессмертия начало.

МОЙ ПУТЬ

К чему стремленья прежних лет
И зря растраченные силы?
Вся жизнь — лишь суета сует:
От колыбели до могилы.

Сиял рассвет, и тишина
Парила птицей над землею.
Шагала девица-весна
Походкой легкой, молодою.

Текли беспечно ручейки
Наивных мыслей и желаний.
В душе струились родники
Благих надежд и ожиданий.

Все, что сбылось и не сбылось,
Вдруг топором ушло под воду.
Экспрессом лето пронеслось,
И осень двинулась к уходу.

Путь поздней осени уныл:
Скопление туч на небосводе,
Густеет мгла, и нет светил,
И день короткий на исходе.

Куда ни глянь, сырая муть
Над полем, лесом и дорогой.
Я понял поздно жизни суть —
Познание живого Бога.

Но нет причины унывать
Среди осенней непогоды.
Вот только жаль: не наверстать
Мои упущенные годы.

Уже сожжен последний мост,
Бьет дождь в лицо, и ветер злится.
Несутся кони на погост...
И силы нет остановиться.

В прошлом году, уезжая в отпуск, я опоздал на регистрацию и не допущен был на посадку. В нынешнем году я извлек урок и прибыл в аэропорт до начала регистрации. Но и в этот раз меня ожидало разочарование.

РЕГИСТРАЦИЯ

Как жалкий гражданин второго сорта,
Подавленный, обиженный и злой,
Я ехал рано из аэропорта,
Но вовсе не в гостиницу — домой.

Знать с памятью моей не все в порядке:
Одной лишь только вещи не нашлось,
И снова не допущен я к посадке,
И в небеса подняться не пришлось.

О, горечь возвращения без полета!
Но как себя ни мучай, ни кори,
Недоставало нужного чего-то,
А это паспорт, что не говори.

Потерян отпуск, да и деньги тоже.
Ну что там паспорт? Корки да листки.
Однако забывать о нем негоже,
Когда к тому же ставки высоки.

Настанет день, и станет вся планета
Аэропортом на исходе дней.
Готовы ли народы всего света
К важнейшей регистрации своей?

В последний час, как в очередь за хлебом,
Предстанет мир на высший суд Христов...
Нет допуска без паспорта на небо —
Без паспорта прощения грехов.

СЛУЖЕНИЕ

Пока не настал предначертанный срок,
Летит в ожиданье беды
В пространстве космическом странный комок
Из камня, земли и воды.

Пока не снята сатанинская сеть,
Пока еще длится полет,
Мы молим о том, чтобы все нам успеть
На нивах различных широт.

Пока еще солнечный свет не погас
И тьма не сгустилась вокруг,
Зовет нас на подвиг Божественный глас,
Сестра моя, брат мой и друг.

Пока не настал неизбежный черед
Угаснуть в последней борьбе,
Идем мы сквозь бурю упорно вперед
По узкой тернистой тропе.

На звездном экране горит Водолей,
И путь все трудней впереди.
Зловещей долиною смертных теней
Нам все же придется пройти.

Устав от дорог, нам придется уснуть
В назначенный час бытия,
Чтоб после, как птицы, навеки вспорхнуть
Домой — в голубые края.

ЗНАТОКИ

Мне позвонили в дверь всезнающие люди,
Сказали, что грядет Армагеддон.
Назвали год и век, когда все это будет,
Стращали. Словом, подняли трезвон.

И каждый говорил и убедить старался,
Усердно помогая мне прозреть.
И каждый «рыболов» старательно пытался
Поймать меня в расставленную сеть.

Им было невдомек, что знать могу что-либо,
Что Бог мой — это Сын на Небеси...
Коль думаешь, рыбак, что знаешь все о рыбе,
То мой совет: у Плотника спроси.

КРЕСТЫ

Брел пешком я вчера до вокзала
И, как прежде, не раз на пути
Застывал неподвижно у храмов,
Созерцая иные кресты.

Хоть и вера одна, и крещение,
Столь несхожим во многих из них
Исторически стало служенье
Из обрядов и форм вековых.

Все равно во Христе все мы братья,
И один у нас пункт впереди.
У одних Божьих храмов распятия,
У других же — пустые кресты.

Вперив взгляд на пробитые длани,
Думал я: Бог не мертв, а живой.
Крест с распятием — символ страданий,
Но душе моей ближе пустой.

К НЕБУ

Унывать мне не в пору,
Не грущу ни о чем.
Я иду прямо в гору,
И все круче подъем.

Все ненастнее ночи,
Все прохладнее дни,
Плачут листьями рощи
На плечах тишины.

Утомила дорога,
И ошибок — гора.
Но по милости Бога
Не погасла заря.

Были в жизни потери,
Но незыблем завет:
Есть открытые двери
И немеркнущий свет.

Я иду, не сгибаясь,
Путь мой прям, как струна, —
За вершину Синая
К свету вечного дня,

Где прямые все стези,
Где в единстве живут,
Где победные песни
Век за веком поют.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

«А одно только нужно» (Лк. 10:42).

Может, скоро, друзья, очень скоро
Чаша неба свернется, как ртуть.
А пока что земным коридором
Мы проходим положенный путь.

Верят люди в руно золотое,
Смысл жизни в богатстве ища,
И не знают сердца их покоя,
И томится без пищи душа.

А по сути одно только надо —
К Жизнедавцу лицо обратить,
Не в земном, а в небесном отраду
Отыскать, приумножить, хранить.

Нет на этой земле нам отчизны,
И спасет не телец золотой.
Только в Боге одном смысл жизни,
Только в Нем совершенный покой.

ПЕРЕДЫШКА

Когда отдыхает душа,
Как путник, присевший у тына,
Устав от тревог, не спеша,
Она исполняется миром.

Умаявшись млеть и витать,
Лелеять, дерзать и бороться,
Не в силах душа трепетать
В бесчувственном мире под солнцем.

Ей нужен покой от трудов —
Благих, бескорыстных, незримых, —
Как вера для плачущих вдов,
Как правда для вечно гонимых.

Ей нужен недолгий приют
Под серым, нахмуренным небом,
Забвенье коротких минут,
Краюха духовного хлеба.

Так пусть в редкий час у окна
Покой в тишине обретая,
Ей вечная снится весна
И слышится музыка рая.

На одной из улиц Лондона, проходя мимо картинной галереи, я неожиданно застыл, очарованный увиденным.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КАРТИНЫ

Расплескалась заря по воде.
Грусть вечерняя, тишь и приволье.
Взор прикован к зеленой звезде,
Загоревшейся над колокольней.

Что за чудо: немного холста,
Окаймленного старенькой рамой,
И, как тучек далеких гряда,
Всплыли годы мои из тумана.

Сердцу вспомнился Русский музей,
Дней осенних цветная поэмка,
Свет жемчужный волшебных ночей,
Что оставил Куинджи потомкам.

Вспоминается Павловский парк,
Край берез, подмосковное лето,
Смех и песни под звуки гитар
У походных костров до рассвета.

Жизнь ласкала меня не всегда.
Знал я чаще суровую прозу —
Неприязнь, вражда, клевета,
Доносительство, злоба, угрозы.

Но я знаю: хранил меня Бог —
Днем и ночью, в горах и долинах,
На извилинах пыльных дорог,
На бескрайних российских равнинах.

Я не знаю, зачем, почему
Нужен Богу был грешник отпетый,
И признателен только Ему,
Что дышу, что живу я на свете;

Что долбить не пришлось мне киркой
Мерзлоту заполярного грунта...
О, веди меня, Пастырь, домой
Через бури к конечному пункту.

ПОЛОЖЕННЫЙ ПУТЬ

Не в силах менять обстоятельства жизни,
Нам все же по силам свершить что-нибудь.
К труду и лишениям с детства привычны,
В борьбе мы проходим положенный путь.

С надеждой на Господа метр за метром
Плывем в непогоду. Наш курс — Небеса.
Не в силах задать направление ветру,
Мы в силах направить свои паруса.

ТЕПЛЫЕ

«Ты тепл, а не горяч...» (Откр. 3:16).

Есть люди, служению которых
Огня не хватает и Духа.
По сути, им двигать бы горы,
Входить за завесу без стука.

В них мало живительной веры,
Нехватка Божественной силы.
Их дни бесполезны и серы,
Молитвы робки и бескрылы.

Их жатва — лишь рожки да ножки.
Печально. Иными словами,
Они подбирают лишь крошки,
Хоть черпать могли бы горстями.

Их стили и методы стары,
Их труд не сулит дивиденды.
Они покоряют гектары...
А Бог хочет дать континенты.

СКУПОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ

Чем больше собственник копит,
 тем явственней беднеет.
Чем больше в плоть свою вложил,
 тем больше потерял.
А коль прижимист, жаден, скуп,
 то радостью скудеет
И, кстати, в тыщу раз бедней,
 чем тот, кто обнищал.

Дающих щедро в судный день
 похвалит Бог Всесильный
За то, что зыбкий хруст банкнот
 они почли за прах.
Пусть в банке радости их счет
 пополнится обильно.
Пусть им начислятся сполна
 проценты в Небесах.

Ведь то, что тратим на себя,
 мы, в сущности, теряем,
Но обретаем день за днем
 потоками щедрот
Все, что в сердечной простоте
 доверчиво вверяем
В святые руки Бога сил,
 Кто дивно воздает.

Богатство, будто в поле снег, —
 не оглядеть, и все же
На черный день не соберешь:
 растает, словно тень.
Кто, преходящее презрев,
 дает на дело Божье,
Откладывает для себя
 на светлый вечный день.

СИЛА ВЕРЫ

Не будет смерть тому потерей,
А только лишь приобретением,
Кто час последний встретит с верой,
Что неизбежно воскресение.

В Христа воскресшего поверьте.
Пускай о вечном будут мысли...
Кто подготовлен раньше к смерти,
Тот приготовлен больше к жизни.

ЕСТЬ ЗА ЧТО

Приблизившись к святому лику
В нужде, беде и испытаньях,
Нам есть за что хвалить Владыку
Земли, небес и мироздания:

За то, что в дивном Божьем Слове
Источник мудрости сокрытой,
За то, что в вечном Иегове
Опора, крепость и защита;

За то, что в радости и горе,
И днем и ночью, в зной и холод
Духовной пищи — просто море.
И вместе с тем духовный голод;

За то, что с верой среди мрака,
Слепых ветров, дождей и грома
Прямой дорогой шаг за шагом
Идем вперед крутым подъемом;

За то, что семя в душах сеем
Среди житейского ненастья,
За то, что в Нем одном владеем
Мы тайной радости и счастья.

СТИХИ О ЖИЗНИ

Жизнь мне казалась сплошным океаном.
Глянешь кругом — берегов не видеть.
Лишь обратившись, я понял, как странно
То, что без Бога мог жить и дышать.

Ну, а теперь озерком среди чащи
Кажется жизнь в поздней осени дни.
Думы о вечном все чаще и чаще —
Чаще, чем думы о негах весны.

Я не жалею о том, что не прежний,
Твердо признав обновленным умом
Жизнь во Христе — бесконечной надеждой,
Жизнь без Христа — безнадежным концом.

ВЕРА И НЕВЕРИЕ

С тех пор, как наши предки согрешили
В Божественных всевидящих глазах,
Неверие господствовало в мире
И веру распинало на крестах;

Зверям бросало в пищу на аренах
Под смех толпы и жуткий хруст костей,
Чтоб трепетало всякое колено
От осознанья участи своей;

В столичном гуле, в тишине провинций
В родном ли, чужедальнем ли краю,
В кошмаре сатанинских инквизиций
Являло к вере ненависть свою;

Распиливало и четвертовало,
Чтоб дух служенья вытравить навек,
Глумясь, для устрашения сплавляло
Вниз по теченью безымянных рек;

Душило, поливало землю кровью,
Травило сворой разъяренных псов...
А вера шла с надеждой и любовью
В бессмертие под звон колоколов.

ОБЕТОВАНИЕ

*«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»
(Лк. 21:33).*

Христос нам дал навек обетование,
Что сказанное сбудется, свершится.
В годину и в горниле испытания
Лишь остается ревностно молиться.

И верить, что утихнут жизни грозы,
Что сгинет зло и кончатся страдания...
Обетованья, словно в небе звезды:
Чем тьма сильнее, тем ярче их сияние.

МОЛИСЬ

*«Трижды молил я Господа... Но Господь сказал мне:
„Довольно для тебя благодати Моей“» (2 Кор. 12:8–9).*

Молись, когда в минуту испытанья
Ты безнадежно выбился из сил.
Молись, чтоб Бог любви и состраданья
Терпением тебя благословил.

Молись, когда впадаешь в искушенья,
Когда в пути споткнулся и упал.
Молись в часы духовного затмения,
Чтоб Бог тебе дорогу указал.

Молись, когда надежда льдинкой тает
И каждый нерв натянут, как струна.
Молись, когда Господь не отвечает
И давит перепонки тишина.

Молись, когда почти не видно света
И тьма грозит, как мировой пожар...
Молись, чтобы молитву без ответа
Принять как драгоценный Божий дар.

В ЛОДКЕ

Дни лукавы и век наш короткий.
Все опасней волна за бортом.
Очень важно, куда мы в лодке,
К Небесам обратиться лицом.

Нам грести остается немного:
От судьбы не уйти роковой.
Наша жизнь — это к смерти дорога,
Ну, а смерть — возвращенье домой.

Я ЗНАЮ

Я знаю, есть лазурь,
 когда на небе тучи,
Поля, где тает снег,
 когда кружит листва.

Я знаю, совесть есть,
 когда она не мучит,

И есть в природе жизнь,
 когда она мертва.

Я знаю, солнце есть,
 когда оно не светит,

В чернилах есть стихи,
 когда еще нет строк.

Когда кипит вражда
 и льется кровь на свете,

А Небеса молчат,
 я знаю, есть там Бог.

СЛЕПОЙ И ПОВОДЫРЬ

Оглашался проснувшийся мир
Перезвонами с башни далекой.
Шел слепой — впереди поводырь —
На прогулку привычной дорогой.

Вдруг собака на миг замерла,
Будто к морде приставили дуло.
Завизжала, хвостом повела
Да и в сторону резко свернула.

Было, верно, ему невдомек
Серым утром в бодрящую стужу,
Что их путь в этот хмурый денек
Преградила огромная лужа.

Но тащился покорно слепой,
Доверяясь водительству дога,
Среди голых кустов, стороной,
По осоке и чертополоху.

Шел я в мыслях за ним по пятам,
Поражаясь смиренному нраву,
Поднимая глаза к Небесам,
Сокрушенно моля: «Боже правый!»

Дай мне сил в каждодневной борьбе,
В обступающем жизненном мраке
Доверяться всецело Тебе,
Как слепой своей верной собаке».

БАЛЛАДА О ДОЧЕРИ

Дом, в пышном саду утопающий.
Имение Бэркели Скоч.
На смертном одре умирающий
Призвал к себе сына и дочь:

«Вот, дети, мое завещание:
Тебе, сын, имение, дом.
Тебе, дочь, дарю я Писание
И все, что содержится в нем».

Внезапно прервалось дыхание.
Чуть вздрогнул, запнувшись, старик.
И было зловещим молчание,
Когда он навеки затих.

А книга, увы, неоткрытая
Не в сердце — на полку легла.
И дочь на могилу забытую
Ни разу с тех пор не пришла.

Неслись годы тройками быстрыми
Под вспышки весенних зарниц,
Летели осенними листьями
Под крики прощальные птиц.

Жизнь стала прочитанной книгой,
Когда с приближеньем конца
Дочь, справившись с давней обидою,
Достала подарок отца.

Открыла и вдруг неожиданно
(Чего ей не снилось вовек),
Отцовской рукою написанный,
Увидела денежный чек.

И вспомнилось ей завещание,
А в горле от горечи ком:
«Тебе, дочь, дарю я Писание
И все, что содержится в нем».

Увы, чек давно недействительный,
И годы назад не вернуть.
Остался лишь текст непрочитанный,
Где жизни разгадка и суть.

И, Слово Любви не читавшая,
Она его жадно прочла,
И книга, на полке стоявшая,
Теперь в ее сердце вошла.

Она обрела мир и знание,
Надежду на встречу с отцом,
Приняв каждой клеткой Писание
И смысл, содержащийся в нем.

КАМЕНЬ

«Камень, который отвергли строители...» (Мк. 12:10).

«Испепеляющие годы!»

А. Блок

Нам выпал жребий умирать,
Познав печали и невзгоды.
Судьбы суровая печать.
Испепеляющие годы.

В пути то топь, то хрупкий лёд.
Но все же важно даже в страхе
Шагать доверчиво вперед
Во все сгущающемся мраке.

И уж когда невоготу
Держать пожизненный экзамен,
Ступать ногами в пустоту
И опираться в ней о Камень.

РАЗГОВОР С ДОЧЕРЬЮ

Я милых черт твоих не вижу,
Как сквозь туман изгиб реки.
Хоть под одной живем мы крышей,
Но, словно вехи, далеки.

Ну что ж, порхай, пока есть время,
Пока в цене не каждый миг,
Пока не давит душу бремя
Твоих ошибок роковых.

А было время, Слово Божье
Мы вместе слушали с тобой,
Да и молились вместе тоже,
Как будто жили в век другой.

Идет невидимая битва
За наши души на земле.
Ты и сейчас в моих молитвах,
Когда общенье на нуле.

Когда смиренно, без укора,
Я отойду в небесный дом,
Вдохнешь не раз о разговорах,
Не состоявшихся с отцом.

НЕОБЫЧНОЕ В ОБЫЧНОМ

Мы в школу ходили, как все в мире дети,
Учились, выросли, а годы неслись.
Женились, растили детей на планете,
Работали. Словом, обычная жизнь.

Но есть необычное в жизни обычной —
Ни с чем несравнимая Божья любовь:
Как акт высочайшей любви безграничной
Спасителя Кровь омывает нас вновь.

Есть высшее чудо — рождение свыше,
Есть церковь живая на месте руин
И то, что мы к небу фактически ближе
Слепящих снегов высочайших вершин.

Есть сладость особых прекрасных мгновений
Интимной молитвы в вечерней тиши,
Поток изливаемых благословений
И мир обретенный — бальзам для души.

Как солнцем весенним Господь обращает
Могучие льдины в потоки воды,
Так грешников падших Он преобразует
Потоком лучей беззаветной любви.

ВСТРЕЧА В САДУ

Еще рассвет не разгорелся алый,
Еще никто не знал о воскресенье.
Он подошел к Марии из Магдалы
И ободрил словами утешенья:

«Немедля отправляйся к Моим братьям,
Скажи, что восхожу к Отцу и Богу
В заветный край, к престолу благодати,
К нетленному небесному чертогу».

От этих слов в восторге сердце билось.
Еще бы. Видеть вновь Его живого!
Не мешкая, поспешно удалилась
Исполнить повеление Христово.

Поток живых лучей залил долины,
В селеньях петухи пропели песни.
О женщина, Мария Магдалина!
Ты самый первый в мире благовестник!

* * *

Памяти мамы, чья вера не угасла ни в нацистских лагерях, ни в духовной пустыне Советского Союза.

Любила ты гимны и песни,
Жила, не сгибаясь под грозами,
В лишениях, нужде и болезни,
И путь был усыпан не розами.

Ты шла, разбивая колени,
Довольствуясь жизнью убогою,
Без ропота, без сожалений
Прямой невозвратной дорогою.

Тому, Кто всемогущ и славен,
Ты пела осанну до старости...
Прости, что я был так печален
В рассветных лучах твоей радости.

ДОВЕРИЕ

Если недруг над вами смеется,
Если терпите долго обиду,
Все доверьте Тому, Кто печется,
Кто вовек обещал не покинуть.

И обиды исчезнут, поверьте, —
Пропадут, словно в сене иголки.
Бог восставит разбитое сердце...
Только дайте Ему все осколки.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ХРИСТА

Безымянной христианке, чья жизнь была жертвенным служением.

В миру она Бога всегда почитала
Смиренно и кротко — любви чистота.
Ходила к бездомным, больных навещала,
И ноги ее прославляли Христа.

Она говорила про Крест и Голгофу,
О том, как простил человечество Бог.
Однажды зимою, попав в катастрофу,
Едва не погибла: осталась без ног.

О, страшный удел начинать все сначала,
Когда позади молодые года!
Она не сдалась: вышивала, вязала,
И руки ее прославляли Христа.

Шли годы, и силы ее покидали.
Как гром поразила ее слепота.
И Богу с тех пор не служила руками,
А духом своим прославляла Христа.

Закат ее жизни пронесся стрелою,
Как юности сон, как сквозь пальцы вода.
Теперь она спит под могильной плитою,
Но память о ней прославляет Христа!

ПОИСКИ БОГА

Ищут люди великого Бога
В зыбком свете нелепых okazji,
В совпадениях разного рода,
В арсенале безумных фантазий,

В блеклой росписи старых соборов,
В не отживших еще суеверьях,
В строгих текстах доктрин и канонов...
А Бог ждет у сердца за дверью.

ОБОДРИСЬ!

Не грусти, что нет нынче работы,
Что здоровье вдруг стало не очень,
Что на плечи свалились заботы,
А свети, как звезда, среди ночи.

Если ты приуныл и болеешь,
Ободришь: ты из Божьего стада.
Если Бог — это все, что имеешь,
Значит, есть у тебя все, что надо.

ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ

Господь, напомни мне о том,
Как Ты меня благословлял,
Как вел единственным путем,
Который поздно я познал;

Как возлюбил и отыскал
Меня, заблудшую овцу,
Прижал к груди, перевязал
И на руках принес к Отцу;

Как на Себя Ты возложил
Грехи народов всех времен,
И чтобы я вовеки жил,
К злодеям мною был причтен;

Как чистых уст не отверзал,
Не осуждая, не кляня,
И смерть позорную принял
Все за меня, все за меня;

Как на рассвете Ты воскрес
И, скорбный путь окончив Свой,
Победоносно в синь небес
Вознесся в славе неземной;

Как до сих пор меня хранил,
Грехи прощая вновь и вновь,
Чтоб познавал я и ценил
Твою великую любовь.

А МИР НЕ ЗНАЛ

Собравшись в синагогах городских,
Евреи праздник Пасхи отмечали.
Закреты были двери мастерских,
И мытари налог не собирали.

В Вифезде, как и много лет подряд,
В купальню ждали Ангела явленья.
Друзьями стали Ирод и Пилат
На почве векового преступленья.

Вердикт был: Назарянина казнить,
Как тать, как мародёра, принародно.
Возможность справедливость совершить
Упущена была бесповоротно.

Он был избит, оплёван и пронзён.
Ад ликовал. На землю тьма спустилась.
А мир не знал, что был уже прощён,
Когда Христос промолвил: «Совершилось!»

КОРОТКО О ВАЖНОМ

По самому краю проходит дорога.
Легко оступиться — и вниз.
А значит, так важно общение с Богом —
Святая и чистая жизнь.

Опасен наш путь, где одни искушенья,
Но живы мы верой живой.
Господь Вседержитель хранит от паденья
Своею могучей рукой.

Что было бы с нами сегодня, не знаю,
Когда б Он не шел впереди,
Ведя нас с любовью по самому краю
К конечному пункту пути.

И в этом пути, проходя испытанья,
Все время идя на подъем,
Стараемся выразить Богу признание
Усердным духовным трудом.

А это, коль вдуматься, в общем немного,
Точнее, почти ничего.
Ведь важно не то, что творим мы для Бога,
А то, кто мы есть для Него.

* * *

Он учил относиться с любовью к врагу,
Жить по Духу, как Божие стадо.
Перед Богом мы все в неоплатном долгу,
Потому есть святая отрада

Славить Бога за легкость приятных забот,
Когда в гости является счастье,
И искать всей душою в минуты невзгод,
Когда жизнь омрачает ненастье;

Поклоняться Ему в безмятежной тиши,
Когда в мыслях и в сердце спокойно,
И доверить тяжелое бремя души,
Когда станет мучительно больно;

Проходить сквозь огонь на мятежном веку,
Чуть дыша в дымном шлейфе угарном,
И за все неизменно на каждом шагу
Со смирением быть благодарным;

А потом на исходе земного пути,
Замерев у двери в бесконечность,
Отпустить свою душу с последним «прости»
В виде пропуска в светлую вечность.

30 июня 1859г. Чарльз Блондин впервые в мире перешел по натянутому канату над ревущим потоком Ниагарского водопада. Однажды в один из таких переходов он решил, что проделает обратный путь с человеком за спиной...

ШАГИ НАД БЕЗДНОЙ

Множество славных имен
Дал девятнадцатый век.
Над Ниагарой, подобной крошечному аду,
Канатоходец Блондин,
Мужественный человек,
Жизнью рискуя, бесстрашно прошел по канату.

«Верит ли кто, — он спросил,
Вдруг обратившись к толпе,
И указал на стоявшего в ней человека, —
В то, что, к примеру, вот Вас
Я пронесу на себе
И совершится, чего не бывало от века».

«Верю», — раздался ответ.
«Может, начнем»? «Ни за что! —
Я не сумею», — сказал, побледнев, неизвестный.
«Жаль. Ну, а Вы, например,
Верите, сэр, ли Вы в то,
Что я смогу пронести Вас над страшною бездной?»

«Верю!» — ответил другой.
«Значит, вперед?» — «Так и быть».
И оказался смельчак на плечах у Блондина.
Вдаль протянулся канат —
Зыбкая, длинная нить —
Над смертоносной и грозно ревущей стремниной.

Нервно застыла толпа,
Каждый тревогой объят.
Долго, упорно и медленно шли они к цели.
Вдруг ни с того, ни с сего
Жутко качнулся канат:
Непостижимо, но факт, что они уцелели.

«Слушай, — Блондин произнес, —
Если ты хочешь быть цел,
Полностью мне доверяй, чтобы мы не пропали.
Это еще не конец,
Просто канат ослабел.
Помни: малейший просчет — и дойдем мы едва ли».

Шли они дальше вперед —
Нету дороги назад —
Над устрашающей бездной под небом лазурным.
Вот и последний рубеж —
И позади водопад.
И разразилась толпа ликованием бурным.

Каждому в жизни пройти
Свой предстоит Рубикон.
Время и вечность — пределы развершейся бездны.
Лишь доверяясь Христу,
Прямо шагая, как Он,
Мы перейдем безбоязненно в город небесный.

ВЕХИ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ

Хмурый вечер. Солнце на закате.
Все слышнее пенье зимних вьюг.
На моем духовном циферблате
Стрелки свой оканчивают круг.

Позади отметка *«покаяние»*.
Пройдено *«прощение грехов»*.
Высочайшим актом оправдания
Стерты преступления веков.

На отметке *«водное крещение»*
Пролегла незримая черта —
Смерть греха и новое рождение,
Старт прощенной жизни для Христа.

А потом отметка *«послушание»* —
Все, что повелел Он исполнять,
Прилагая максимум старания,
Слово жизни мертвым возвещать.

Вслед за ней отметка *«умаление»* —
Это значит всюду и везде,
Проявляя кротость и смирение,
В жизни быть малейшим во Христе.

А еще отметка «*возрастание*» —
Вот где глубина и высота —
Через жизнь по Слову и познание
Походить все больше на Христа.

И в конечном счете «*освящение*» —
Святость в мыслях, чувствах и словах
И благословенное стремление
К вечной жизни с Богом в Небесах.

ПАМЯТИ МАТЕРИ ТЕРЕЗЫ

Как сон, прошло десятилетие
С тех пор, как ты ушла домой.
Знать, не одно еще столетие
Ты будешь в памяти людской.

Нет на земле тебе отечества,
Где ты сожгла себя дотла.
Но лучшим стало человечество
Лишь потому, что ты была.

Август 2007 г.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

За окном тихо клены кольшутся,
Пламенеют сады на заре.
Мне давно почему-то не пишется,
Да и осень уже на дворе.

Просто надо, являя терпение,
Не смыкая услужливых век,
Ждать спокойно состав вдохновения
На извечном перроне надежд.

В час, когда ни души не останется
На скамейках в прохладе ночной,
Он придет, вдоль перрона протянется
Поэтической строкой.

Млечный Путь, по Вселенной рассеянный,
Задрожит мириадами звезд.
Песнь вагонная ямбов с хорями
Грянет звонкою рифмой колес.

И когда незаметными стезями
Муза в душу проникнет мою,
Унесусь я на крыльях поэзии
К водам жизни в родимом краю.

ХРИСТОС

Он звал людей на подвиг веры,
Ронял в сердца любви зерно
И без вины повис на древе,
Но в Небо прорубил окно.

Послушный Сын, смиренный, кроткий,
Он все изведal, все стерпел.
Был путь земной таким коротким,
Но сколько сделать Он успел!

Смягчал сердца надменных, гордых,
Без счета толпы исцелял.
И, смертный Сам, Он души мертвых
Из страшной бездны вырывал.

Гонимый раб, до смерти верный,
Он спас всех нас ценой крови
В Своей святой, Своей безмерной
Мирообъемлющей любви.

ВОПРОСЫ

Давно моя доказана вина,
Я сам себе и мерзок, и противен.
За что Ты любишь, Господи, меня?
За что благословений мощный ливень?

Куда бы путь я свой ни устремил
И что со мной бы в жизни ни случилось,
Я знаю, что ничем не заслужил
Твою неисчерпаемую милость.

Делами рук Твоих полна земля.
В них — тайна сверхъестественных свершений.
Твоим благодеяньям нет числа,
Твоей любви нет в мире измерений.

Зачем Ты так печешься обо мне,
Создатель тверди и созвездий дальних?
Не по моей ли, Господи, вине
Ты почивал в одеждах погребальных?

Твой скорбный лик усеяли плевки,
И бич хлестал истерзанное тело,
Впивались с болью тернии в виски,
Когда Ты шел в бессмертие на древо.

О Господи, ответь мне, почему,
Как друг, доброжелательно и прямо.
Скажи непостижимое уму —
Излей благоухающим бальзамом.

И, пав к Твоим ногам, о Муж скорбей,
Изведавший болезни и печали,
Я унесусь в страну живых лучей —
В блаженства неизведанные дали.

ГОСПОДУ НАШЕМУ

В Нем нет и признака вторичности:
Он Первенец, всему Глава,
Прообраз совершенной личности,
Всех атрибутов Божества.

Он нетерпим к несправедливости:
Воздастся каждому за зло.
Блажен, кто принял Его милости,
Укрылся под Его крыло.

Он не приемлет малодушия
В душеспасительном труде.
В Нем нет ни тени равнодушия
К чужому горю и беде.

Он неподвластен скоротечности,
И ад Его не удержал —
Того, Кто вековечней вечности
И изначальней всех начал.

У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Под соснами в гаснущий солнечный день
У вод возносил я молитву.
Дрожала смычками их ровная тень,
И волны играли сюиту.

Прелестные звуки неслись к берегам
Под взмахи руки Дирижера,
И чайки послушать спускались к волнам,
Паря по воздушным просторам.

Под дивные звуки я грезил о днях
Умчавшихся благостных весен,
А солнце лампадой горело в кудрях
Печально-задумчивых сосен.

И только у скал две прибрежных сосны —
За ними заря золотая —
Общались, как жители вечной весны
У светлых обителей рая.

ИЗВЕЧНАЯ ЗАГАДКА

Исконный дух всего живого,
Нетленный свет в моей судьбе,
Что Ты нашел во мне такого,
Что привлекло меня к Тебе?

Как мне вместить и как осмыслить
Непостижимое уму:
Понять дела Твои и мысли,
Узнать: зачем и почему?

Пока я в хижине телесной,
Могу я только лишь гадать,
Но не постичь, Отец Небесный,
Как мог меня Ты оправдать.

Как мог суровый, справедливый,
Непогрешимый Судия,
Законодатель на Хориве,
Хранитель тайны бытия,

Творец миров и Царь Вселенной,
Нужды не знавший никакой,
Невыразимо совершенный,
Искать общения со мной?

И наконец, скажи мне, Боже, —
Что сверхзагадочней всего, —
Как мог я стать Тебе дороже,
Дороже Сына Твоего?

ДНЕВНЫЕ ТРУДЫ

Устал я от длительных смен:
Пять дней по двенадцать часов.
Не жду никаких перемен,
Как в знойной пустыне снегов.

Рутина все та ж без конца —
Недолог мой сон, и опять
Приходится в поте лица
Насущный свой хлеб добывать.

Так с первых веков повелось,
И люди привыкли к труду.
Платить человеку пришлось
За грех первородный в саду.

Хоть ныне работой своей
Иной и бахвалится люд,
Есть все-таки нечто важней —
Духовный, спасительный труд.

Он важен в безбожном миру,
Он требует веры и сил.
Ведет он заблудших к Царю,
Кто кровь на Голгофе пролил.

Он дан не на все времена
И в поступи тающих дней
Роняет в сердца семена
Для вечного блага людей.

Он — к жизни прямая стезя,
Тоннель, выводящий на свет,
И в мире, поверьте, друзья,
Труда благороднее нет.

В НЕБЕСНОЙ ОБИТЕЛИ

Зыбкий мир содрогнется к концу,
И когда, наконец, будем дома,
В белых ризах мы в ноги Творцу
Упадем с благодарным поклоном.

Нас Небес красота потрясет,
А Любовь, что за мир пострадала,
Снимет с книги печать — и спадет
С тайны прошлых веков покрывало.

ЖИЗНЬ С БОГОМ

Ищи Его в минуту униженья,
Стремись к Нему, когда невоготу.
Когда в душе рождаются сомненья,
Поведай их немедленно Христу.

Когда ж томит и мучит рой желаний,
Ты вспомни о цене Его любви.
В суровый час тяжелых испытаний,
Коленопреклоненный, воззови!

Когда довлеет тьма, не сокрушайся —
Будь верен от восхода до зари.
Когда грозят враги, не ужасайся.
Когда умрет надежда, доверяйся
И лишь всегда за все благодари.

БРЕННОСТЬ

Как молния блеснет перед грозой,
Как вспыхивают дальние зарницы,
Как из-за туч блеснувшей луной
Заснеженная степь засеребрится,

Так жизнь дается каждому на миг —
Мгновенный, зыбкий и неумолимый,
Чтоб пронестись и кануть, словно крик
Над пенным морем чайки белокрылой.

МИЛОСЕРДИЕ

Не за бесстрашие в бою
И не за доблесть в жизни битве —
Являешь милость Ты Свою
За покаянные молитвы.

И изливаешь благодать,
И посылаешь утешенье.
О, как отрадно все же знать,
Что мне даровано прощенье,

Что после скорби смутных дней
Ты примешь в царские чертоги
Того, кто ел рожки свиной
И сеял семя «при дороге».

ПУШИНКА НА ЛАДОНИ

Я счастлив тем, что верю и дышу,
Но помню: жизнь — пушинка на ладони.
Неудержимо мчатся к рубежу
Года мои, как бешеные кони.

А мимо — молодые деревья,
Веселый звон резвящихся капелей,
Кружащаяся в воздухе листва
И свист распоясавшихся метелей.

Проносятся чужие города,
Простертые над реками туманы,
Мосты, аэродромы, поезда,
Границы, территории и страны.

Есть впереди конечная верста —
Поставленный предел для человека,
Где жизни завершится маета,
Как ночь лучами звонкого рассвета.

Я, Господи, Тебя благодарю
За жизнь, что подарил Ты мне когда-то,
За первую весеннюю зарю
И поздний луч последнего заката.

Прости меня за то, что совершил
Я в брѣнной жизни много беззаконій,
За то, что грѣх мой к древу пригвоздил
Твои любвеобильные ладони.

Я счастлив безгранично, что познал
Тебя, Творца, Спасителя и Бога,
Который не сгубил, а указал
К нетленной жизни верную дорогу.

Уж скоро, скоро, видно по всему,
Ты вынесешь решение на троне,
И жизнь моя по слову Твоему
Растает, как снежинка на ладони.

ДУХОВНЫЙ ТРУД

Духовный труд всегда тяжел:
Часы долги, ничтожна плата.
Коль этот путь ты предпочел,
Хула и скорбь — твоя награда.

Ослабевать на нем нельзя.
Сей до конца, отдай все силы
И знай, что «пенсия» твоя
С земною будет несравнима.

В ЭМИГРАЦИИ

Менялись капризные моды.
Мы жгли за собой корабли.
Бросали нас судьбы и годы
Подальше от русской земли.

Нам в спины с укором глядели,
Но не было чувства вины,
Когда нас несло за пределы
Исчезнувшей с карты страны.

И все ж мы о ней не заплачем,
И что ее нет, не беда:
Что может для вольного значить
Страна, что вела в никуда?

Страна Держиморд и Ноздревых,
Нагульновых разных мастей,
Идей несуразно бредовых
И сталинских спецлагерей.

Сквозь люк в арестантском вагоне,
Успев на задержанный рейс,
Нам виделись кости в бетоне,
Во рвах и под шпалами рельс.

И лишь оказавшись далече,
Грустя, вспоминали потом
Есенинский розовый вечер
И лунную ночь над Днепром.

Осели мы в целом неплохо,
И нам не пристало роптать.
Но знаем: без Господа Бога
Нам счастья и здесь не видать.

Какие, друзья, мы британцы?
Вот жизнь к рубежу подошла...
О братья! Мы все иностранцы
На хрупкой планете Земля.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

Спит дальний лес, зарей объятый,
Покоем дышит небосвод.
Вот скоро год шестидесятый
Мне, чужестраннику, пойдет.

Почти исхожены дороги,
Что были в жизни впереди,
И подвести пора итоги
Быстро бегущего пути.

Еще тропа не утомила,
Еще в тоннеле брезжит свет,
И все же жизненная сила
Теряется, как лыжный след.

Подобно стершейся монете,
Всему, увы, приходит час.
Ведь только раз живем на свете
И умираем только раз.

Но все ж печалиться не надо,
Пока в огне дрожит река,
О том, что жизнь, как гул набата,
Непоправимо коротка.

Не все охватишь и успеешь:
Всему есть мера и предел.
И все ж порою сожалеешь
О том, что мог, да не успел.

Не состоялся, не добился,
Недотянул и не достиг.
Недолюбил, когда влюбился,
Не осознал, когда постиг.

Душистый дым плывет из сада,
Звезда блеснула в небесах.
В червонном золоте заката
Горят кресты на куполах.

По высшей воле Провиденья
Летит кометою Земля,
И птица — кроткий дух смиренья —
Расправит скоро два крыла.

* * *

Мир решает проблемы мощной,
Супостат — неприятельской кровью,
Злой завистник — худой клеветой,
Иисус — бесконечной любовью.

БЛАГОУСМОТРЕНИЕ

Благодарю, Господь, Тебя за то,
Что думал обо мне со дня творенья,
За то что, невзирая ни на что,
Хранил в пути от самого рожденья;

За то, что в отзвучавшие года,
Когда я погибал, срываясь с кручи,
Являл Ты милость свыше и всегда
Удерживал десницею могучей;

За то что в дни бесславные мои,
Когда я недостоин был прощенья,
Ты открывал объятия Свои
И звал вступить на верный путь спасенья;

За то что, не сгубив меня, омыл
Святой и чистой жертвенною кровью,
За то, что к жизни новой возродил
Непостижимой вечною любовью.

ГОДЫ

Тянется нить золотая —
Жизни моей канитель,
Путь мой земной пролагая
Через туман и метель,

Через запретные зоны,
Сквозь пелену облаков,
Через чужие кордоны
Под завыванье ветров.

Кружит меня, как снежинку,
Словно сорвавшийся лист.
Треплет, как ветер косынку,
Под несмолкаемый свист.

Нет на земле мне причала:
Путь мой лежит по волнам.
Жаль, не избрал я сначала
Курс к золотым берегам.

Годы несутся к закату.
Век мой не тысяча лет.
Жизнь — как по снежному плату
Санний дымящийся след.

Тройкой шальной пронесется
И, оборвавшись струной,
В светлую вечность прольется
Песни бессмертной строкой.

НЕБЕСНЫЙ ХУДОЖНИК

Свет рассветный в долине,
Словно луч на экране.
Снеговые вершины
Золотятся в тумане.
Все заметней и шире
Океанской волною
Разливается в мире
Свет над сонной землею.

Как мне выразить тайну
Красок света и снега?
Я не Джордж Гордон Байрон
И не Лопе де Вега.
Но известно мне, кстати,
Кто и где этим утром
Так искусно окрасил
Облака перламутром.

Наш небесный Художник,
Не зная субботы,
Пока мир спит безбожный,
В мастерской за работой.
Мастер цвета и света,
Бог палитры нездешней,
Он наносит рассветы
На полотнах небесных.

На холсте океана,
Снежном саване белом,
На вуали тумана
Он наносит умело
Семицветие радуг,
Зелень знойного лета,
Грусть вечерних закатов
И улыбку рассветов.

А в осеннюю пору —
В ночи бабьего лета —
Он выводит узоры
На ландшафтах планеты.
Обагряются кровью
Лесопарки и рощи,
Где бросают гнездовья
Голосистые гости.

О Господь Всемогущий!
Хоть земля и прекрасна,
Все же краше и лучше
В небе родина наша,
Где для всех благоверных
Твой Божественный гений
Воссияет в шедеврах
Уникальных творений.

ГЛАВНОЕ

Стремиться ввысь за рубежи —
Предназначение человека.
Но труд спасения души —
Задача главная от века.

Дай, Боже, жертвенно гореть,
Любить, и верить, и молиться...
Не всяк, рожденный умереть,
Готов на смерть, чтобы родиться.

РАЗНЫЕ ЦЕННОСТИ

Живущий, словно вор в законе,
Мир, утопающий в грехе,
Покорно бьет челом мамоне
По всей поруганной земле.

Ах, деньги, деньги, всюду деньги!
За деньги в мире льется кровь.
Легко купить красивых женщин,
Да не купить себе любовь.

Легко купить медикаменты,
А вот здоровья не купить.
Какой соблазн — апартаменты!
Но в них ли вечность проводить?

Я не живу богатства ради.
Мои сокровища — в Скале,
Где преизбыток благодати
Для всех живущих на земле.

Завесы нет, и правомерно
Идти вперед — за рубежи.
Чего я жажду непомерно,
Так это пищи для души.

О, насыщай меня, мой Боже,
И омой в святой крови,
Пока душа вмещать не сможет
Надежды, веры и любви!

* * *

Гордец на все взирает свысока —
На вещи, на людей, на все, что тленно,
Не видя над собой во все века
Того, Кто управляет всей Вселенной.

ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

Когда неожиданная кручина
Тебя мучительно гнетет,
Когда твой челн несет стремнина
В губительный водоворот;
Когда ввергают потрясения
Тебя в сплошную кутерьму,
Ты воззови без промедленья
Душой израненной к Тому,
Кто дивной лаской успокоит,
Бесценным миром одарит,
Улыбкой светлой удостоит,
Любви глаголом ободрит;
Кто близко к сердцу принимает
Любое горе, боль и грусть;
Кто, как стихи, от века знает
Все судьбы мира наизусть.

Я НУЖДАЮСЬ В ТЕБЕ

Я нуждаюсь в Тебе, Иисус:
Жизнь земная — сплошная борьба.
Тяжелеющий жизненный груз
Я нести не смогу без Тебя.

Я нуждаюсь в Тебе каждый день,
Словно смертник на самом краю,
Когда волны сомнений, как тень,
Набегают на душу мою.

Я нуждаюсь в Тебе каждый час,
Ведь с Тобой так отрадно идти.
Без Тебя оступался не раз
Я на жизненном скользком пути.

Я нуждаюсь в Тебе каждый миг
До заката назначенных дней,
Чтобы видеть Твой любящий лик
В царстве славы и вечных лучей.

В ПЛЕНУ У ЖИЗНИ

Путь до устья теперь уже близкий,
Поседела давно голова.
Много лет был в плену я у жизни,
Безрассудно, бездумно живя.

Жизнь носила меня и бросала
По песчаным откосам излук,
По слепящим снегам перевалов,
По глухим полустанкам разлук;

Растворяла в промозглых туманах,
Полоскала в разгуле дождей,
Хоронила в свистящих буранах,
Опьяняла во мраке ночей;

Измывалась за капельку веры,
За малейшую искру в груди,
Расставляла упорно барьеры
На моем тупиковом пути.

Но я выбрался, к счастью, из топи,
Осознав перед Богом вину.
Оправдавший меня на Голгофе
Снял с незрячих очей плену,

И увидел я путь к новой жизни,
Где, уверен, пребуду всегда
В озаренной лучами Отчизне
Нескончаемой славы Христа.

* * *

Под небом бескрайним, под Господом Богом,
Под яростью вражьих атак
Блажен, кому сделать осталось немного —
Последний, решительный шаг;

Кого в вихре дней, проносящихся мимо,
Когда позади перевал,
Уносит стремительно бурной лавиной
К Концу и к Началу начал.

ЛИКУЙ, ДУША!

«А Христос за всех умер» (2 Кор. 5:15).

Для всех, кто духом слеп и глух,
Прощенья свет с Небес пролился!
Какая разница, мой друг,
Постился ты иль не постился?

Бог благодать излил на всех.
Омыты все священной кровью.
Заглажен каждый в мире грех
Неизреченною любовью.

Внимайте люди — стар и млад —
Торжественной пасхальной весте:
Князь тьмы сражен, повержен ад,
И жало вырвано у смерти.

Бог нас восставил из могил,
Сначала Сам восстав из гроба.
Он все простил, Он все забыл,
Он удалил вражду и злобу.

Он в этот день для всех воскрес,
От иудея до тунгуса.
Ликуй, душа: врата Небес
Открыты настежь Иисусом!

ПРОЩАНИЕ

Мы на ветру, застыв, дрожали,
И слезы скорбные текли,
Когда тебя мы опускали
В телохранилище земли.

Оттуда нет, увы, возврата,
Не светит сердцу луч любви.
Ты спишь, спокойным сном объята,
Под мягким бархатом травы.

Был путь усеян не цветами:
В плевках, одна, в кольце врагов,
Ты шла погостными рядами,
Терпя насмешки мертвецов.

Ты им вещала Слово жизни,
Была светильником во мгле,
Не признававшая отчизны
На этой горестной земле.

И взмыла ввысь душа живая,
Юна, прекрасна и чиста,
Как первый снег, как цветень мая,
Как неземная красота.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Года мои стремительно летят,
В потоке дней и лет слабеют силы.
В осенний день пятнадцать лет назад
Тебя в последний путь мы проводили.

С тех пор воды немало утекло,
Уж за спиною шесть десятилетий.
Но на душе приятно и светло
Лишь оттого, что ты жила на свете.

Я долго был духовным мертвецом,
Считая твердой пищею акриды.
А ныне вспоминаю со стыдом,
Как в злобе наносил тебе обиды.

Но ты меня простила из любви,
В послушной вере кротко наставляла.
Душа была изранена в крови,
А ты меня отчаянно спасала.

Ты душам, погибающим в грехах,
Об Иисусе смело говорила.
Ты «Слово жизни» слушала в слезах
Под мощный рев разнузданных глушилок.

Я знаю, как ты верила, ждала
Моих недолгих редких возвращений,
Тревожными ночами не спала,
Просила для меня благословений.

А позже, в день осенний поутру,
Под хмурым, неприветным небосводом,
Раздетая, стояла на ветру,
Пока не пропаду за поворотом.

В КОНЦЕ ПУТИ

Пора уладить все дела,
Закрыть последнюю страницу.
Жизнь промелькнула и ушла,
Как мимолетная зарница,

Как след дождинки на воде,
Как пар рассветного тумана,
Как капля влаги на листе,
Как звуки старого органа;

Как легкий дым ночных костров,
Как ограниченные сроки,
Как в пламя брошенных стихов
Невозродившиеся строки.

Наш рок нещаден и суров.
Все в мире зыбком скоротечно...
И лишь любовь — Творца любовь —
Была, и есть, и будет вечно.

* * *

Мне мерзок мир губительный,
Порока и греха.
Живу водой целительной
Из чаши родника.

Крутая, своенравная,
С изменчивым лицом,
Нас манит жизнь отравую
В сосуде золотом.

А ты, паломник страждущий,
Сжимающий клюку,
Прильни душою жаждущей
К живому роднику.

И пусть последней точкою
Вонзает мир шипы
В чело с кривыми строчками —
Автографом судьбы.

Много лет назад мы с женой совершили ошибку, убежденные в том, что болезнь матери непременно передается ребенку. И лишь позже, придя к Господу, осознали низость и гнусность совершенного поступка.

УБИЙСТВО

Жизнь порой хлещет яростно
жесткой совестью-плеткою.
Помнит память о времени,
когда мерзко грешил.
Что сказать тебе, маленький,
про то время короткое —
Про то время, в которое
ты не ведал, что жил?
Как представить нелепое,
роковое решение,
Наш чудовищный умысел —
скрыть твой крошечный след,
Объяснить жесточайшее
прошлых лет преступление.
Даже то, что могилочки
на земле тебе нет.

Ангелочек без имени,
беззащитная крошечка,
Никогда не изведавший
материнской любви,
Ты в земном нашем странствии
мог быть светом в окошечке,
Но по воле родительской
захлебнулся в крови.

Как предстанем мы в вечности
за свое злодеяние?
Что ответим мы совести
на резонный упрек?
Что Судье справедливому
изречем в оправдание?
А ведь видно по признакам:
этот день недалек.

Я не знаю, как встретимся
в лучезарных обителях,
Как тебе, сиротинушке,
мы посмотрим в глаза.
Там, где слезы горячие
напрочь стерты Спасителем,
Даже там на ресницы нам
навернется слеза.

Только ты не отринешь нас
на небесном свидании,
А протянешь ручончки
у святых на виду.
Скажешь ласково: «Мамочка,
я же ваше создание!»
И, обоих взяв за руки,
подведешь нас к Христу.

Стихотворение посвящено польскому пастору Костехе, которого я знал с пятидесятих годов прошлого века. Он неустанно трудился на ниве Божьей, ведя служение в разных городах Великобритании в собраниях, объединяющих русских, украинцев, поляков, белорусов. Многие христиане в Польше, Белоруссии, России, Украине знали его по его радиослужению. В связи с переездом в СССР мы расстались более чем на три десятилетия.

Вернувшись в Англию, я разыскал его в шестидесяти-миллионном море людей, как иголку в стогу сена, никуда не обращаясь. Бог свел меня с человеком, который знал о нем, дал его номер телефона, и мы снова встретились. Наше радостное общение оказалось таким коротким...

О ДРУЗЬЯХ

Возлюбите друзей, дайте место им в ваших сердцах,
Чтоб стучали сердца их и ваши в порыве едином,
Пока ласковый свет еще светит в их ясных глазах,
Пока теплая речь их звучит уникальным мотивом.

Берегите друзей, не щадя остающихся сил.
Каждый жест, каждый взгляд их пусть сердце
впитает, как губка.

Берегите любя, пока след их земной не простыл,
Пока в силах рука поднимать телефонную трубку.

Просвещайте друзей, совершайте спасительный труд,
Ибо если окажется всякий порыв бесполезным,
По дорогам земли они путь свой бесследно пройдут,
И, возможно, вы с ними не встретитесь в Царстве Небесном.

Обращайте друзей, пока слышатся их голоса,
Пока путь их короткий не пройден земным коридором,
Пока сном непробудным навек не закрылись глаза,
Пока совесть не ранила душу тяжелым укором.

Ободряйте друзей, ускользающих в черный поток,
У последней черты, у границы того, что осталось,
Чтобы там, в Небесах, у пробитых святых Его ног
Ваша старая дружба во веки веков продолжалась.

КОНИ

Мелькают размытые тени,
Лучи в сонных водах дрожат.
На крыльях летящих мгновений
Уносятся кони в закат.

Куда вас несет, вороные,
На этом мятежном веку,
Сквозь бури и ливни косые,
Сквозь вьюги на полном скаку?

Что грозно кричит вам возница,
Стегая по спинам кнутом?
Что в ночи туманные снятся
В лугах под унылым дождем?

Когда с наступлением утра
Блеснет за туманом река,
Холстину небес перламутром
Окрасит за дымкой рука.

И тот же, за милями мили,
С рассветом продолжится бег.
Года мои — лошади в мыле,
А значит, кончается век.

А значит, чуть-чуть остается
Скакать по прожилкам дорог.
Пусть бешено тройка несется,
А в час, когда кончится срок,

Когда разгуляется вьюга
Вдали от британских морей,
Хозяин доверенным слугам
Прикажет распрячь лошадей.

ОБЛАКА

Над цепью гор, над чащами лесов,
Над неумолчным колокольным звоном
Бесформенные клочья облаков
Торжественно плывут по небосклону.

Скользят по океану синевы
Величественной стройною грядой
Над суетой, не знающей, увы,
Что там, за их спиной, — страна покоя.

Плывут через эпохи и века,
От раннего восхода до заката
Над миром тьмы, не знающим пока,
Что там, за ними, — светлая отрада.

Блестят, как недоступные миры
Над бездной зла, гордыни, раболепства,
Где в сонме бурь не знают до поры,
Что там, за ними, — вечное блаженство.

* * *

Что жизнь земная? Только смерти тень.
Что смерть? Она подобие истока.
Что тьма? Без светлой цели светлый день.
Что свет? Густая тень живого Бога.

* * *

Тихий городок провинциальный,
Дом молитвы. Старая осина.
На углу Садовой и Вокзальной
Домик с обветшалым мезонином.

Солнечные блики на фасаде,
Ставни, деревянные перила,
Синь очей и песня на закате —
Вот и все, что память сохранила.

Постарел я: пролетели годы,
Но в каких краях бы ни скитался,
В снах и в дни душевной непогоды
Я не раз в тот город возвращался.

Постою у старенькой калитки,
Будто у родимого порога,
Вспомню свои беды и ошибки
На неровных жизненных дорогах.

Вспомню тех, с кем юностью делился,
Словно в лихолетье пайкой хлеба,
С кем душой на краткий миг сроднился
Под огромным, бесконечным небом.

Вспомню доверительные встречи
С преданными Господу друзьями.
Многие из них теперь далече:
Мирно спят под ветхими крестами.

Вспомню их, как свет во мраке жизни...
А теперь и сам шаги направил
По тропе к неведомой Отчизне —
К тем, кто след в душе моей оставил.

Реформация началась не с Мартина Лютера, прибывшего к дверям церкви 95 тезисов, а столетием раньше с Яна Гуса. Он был ледоколом, проложившим путь Лютеру и Кальвину в следующем столетии. Поставив задачу реформирования церкви изнутри, очищения ее от неверных учений, он дерзновенно и нещадно обличал двойную жизнь и лицемерие духовенства, восстанавливал раннехристианские формы служения, возвращал мирянам узурпированное духовенством право на причастие, вводил служение и проповедование на родном языке, перевел на чешский язык Новый Завет.

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Из мглы веков в портретной раме
Он в даль туманную глядит,
Где имя высечено в камне,
Навек впечатано в гранит.

Он шел на бой во имя правды
(Как гром, гремел его глагол)
И путь земной, прямой и славный,
Безукоризненно прошел.

Водимый Духом в брэнном теле,
Духовный светоч в царстве тьмы,
Он жил сгорая, на пределе,
Волнуя души и умы.

Он смело признавал главенство
Отнюдь не Папы, а Христа,
Вскрывал пороки духовенства,
Нес свет надежды в города.

Не мог он с ложью примириться,
Не мог обратно повернуть.
И Гуса бросили в темницу,
Пытались рот ему заткнуть.

Но у преддверия могилы,
Направив мысли к Небесам,
Он в кандалах, собравши силы,
Просил пощады палачам.

Спокойный взгляд лучист и светел:
Он принял смерть, простив врагов.
...Река времен уносит пепел
В безбрежный океан веков.

КРАСОТА

По Слову истомилася душа,
И, жаждущий живительной водицы,
Я открываю с дрожью, не дыша,
Священные библейские страницы.

Здесь воды удивительной реки,
Венец и совокупность совершенства,
Несметные живые родники
Любви, надежды, веры и блаженства.

Здесь зреют безупречные плоды
На почве покаянья и прощенья,
Здесь в вечность уходящие следы
Тропюю послушанья и смиренья.

И эту созерцая красоту,
И сердцем чистым согрешить не смея,
Завидую кленовому листу
Засохшему в Послании к евреям.

ОЧИЩЕНИЕ

Так несносно порою бывает,
Так душа нестерпимо болит,
Когда жизнь нас нещадно ломает,
Когда Бог почему-то молчит.

Мы смущаемся, стонем-стенаем,
Изнываем под гнетом скорбей,
Но духовно всегда возрастаем
И становимся вдвое мудрей.

Пусть мы телом слабеем с годами,
Пусть труднее и круче подъем,
Мы становимся чище сердцами,
Мы решительней к цели идем.

Эти скорби даны в назиданье,
Чтобы в вихре несущихся дней
Не роптать — принимать испытанья,
Словно самых почетных гостей

* * *

Кончина жизни неизбежная,
Мы увядаем, как листва.
И лишь любовь — голубка нежная —
В душе таинственно жива.

Конец плоти — зима студеная.
А у любви удел не тот:
Магнолией вечнозеленою
Неувядаемо цветет.

За неизбежным угасанием,
За жизни финишной чертой
Она святым благоуханием
Плывет над брэнностью земной.

Смерть оставляет боль сердечную,
Которую не исцелить.
Любовь же дарит память вечную,
Которую не истребить.

Из пяти ночей, проведенных в Иерусалиме, переполненный впечатлениями, я не спал первые четыре. Пребывание в этом древнем городе было сном наяву.

ПО ВИА ДОЛОРОСА

Не спал я в Иерусалиме,
Очей усталых не смыкал:
По узким улочкам, незримый,
Не раз я мысленно шагал.

В несвязных думах на рассвете
Мне мнился звон колоколов,
Как поступь гулкая столетий,
Как эхо звонкое веков.

Как будто острая заноза
Впивалась в сердце мне, когда
С трудом по Виа Долороса
Шел Сын под тяжестью креста.

Теряя силы и шатаясь,
Избит, измучен, изнурен,
Он, едким потом обливаясь,
Нес грех народов и племен.

Я со стыдом и виновато
Взирал из шумной толчеи
На жизнь отдавшего когда-то
За беззакония мои.

Я потрясен той драмой давней,
Любовью чистой и святой,
Безмерной, жертвенной и славной,
За мира грех, за род людской.

Он принял кротко злую пытку,
Простил жестокость палачей
И выслал всем любви открытку
С багряной подписью Своей.

ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ

«Его нет здесь — Он воскрес, как сказал» (Мф. 28:6).

Все кончено. Уснул навек Мессия.
У слуг Его — разбитые сердца.
Но две смиренномудрые Марии,
Свидетели печального конца,

Пришли с мастьями в первый день недели
На место, где Учитель погребен,
И в страхе, трепеща, оторопели:
Был камень от пещеры отвален.

Вгляделись в темень робко и несмело.
Такого не случалось никогда —
На камне ангел в белоснежно-белом,
А в глубине пещеры пустота.

«Его здесь нет, напрасно не ищите,
Он жив по изволению Небес.
Вернитесь срочно в город и скажите:
„Сказал Он, что воскреснет, и воскрес“».

Прошли века, а сколько еще будет?
И сколько душ сойдет во мглу могил?
Однако Божье стадо не забудет,
Что Сын державу смерти покорил.

По действию могущественной силы,
Вознесшей Иисуса в Небеса,
Настанет день — откроются могилы,
И зазвучат живые голоса.

В ДУХЕ СМИРЕНИЯ

Взывайте к Богу в часы ненастья
И прославляйте в минуты счастья.

При катаклизмах не ужасайтесь,
Ему всецело лишь доверьтесь.

Когда враги к вам питают злобу,
Благословляйте их словом добрым.

Когда хулят вас, в ответ молчите.
Пусть вас не любят, но вы любите.

Когда вас ранят в духовной битве,
Шепчите в муках слова молитвы.

Когда вам в душу плюют живую,
Подставьте кротко щеку другую.

Кипя во гневе, не согрешайте:
Простил вам Агнец, и вы прощайте.

А в час вечерний, простив обиды,
Благодарите за день прожитый.

В ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Солнце в озеро катится.
Вот и зорька погасла.
Моей шхуной сумятица
В жизни правила часто.

То волною бегущею
До бортов заливала,
То лавиной ревущею
На утесы бросала.

Зельем жизни отравленный,
Но избавленный Богом,
Я плыву к тихой гавани
По коварным порогам.

А в минуты вечерние,
Когда стелются тени,
Потрясенный прощением,
Опущусь на колени.

О единственный истинный,
Благодеющий Боже,
Знай навеки, что в жизни Ты
Стал всего мне дороже,

Что Твое милосердие —
Благодать без оброка —
Буду помнить до смерти я,
До последнего вздоха.

ПРАВЕДНОСТЬ

Наша праведность — это монета.
Если вдуматься: грош ей цена.
В ней лишь лучик небесного света,
Но другая там есть сторона.

От людского сокрытая взора,
Она прячет свой темный секрет —
Злую помесь греха и позора.
Ничего в ней хорошего нет.

Можно праведным только казаться,
Невозможно быть в жизни таким.
Можно людям тепло улыбаться,
Можно в церкви считаться святым.

Можно, верную выбрав дорогу,
Божье Слово прочесть сотню раз...
Не нужна наша праведность Богу,
А нужна Его праведность в нас.

*Светлой памяти этого доступного, отзывчивого,
мудрого служителя, бросившего все дела в Москве, что-
бы приехать и помолиться у постели моего умирающего
отца.*

ПАМЯТИ ЯРЛА ПЕЙСТИ

Сквозь рев глушилок в душный век затмения
Твой страстный голос — истины глашатай —
К нам прорывался, как из окружения,
Будил и звал с тревожностью набата.

Ты Слово жизни с пламенным усердием
Ронял в сердца с коротких волн эфира.
Глагол о дивном Божьем милосердии
Лампадой был для гибнущего мира.

Он проникал в дома с сердцами черствыми,
Звал пылко к покаянию заблудших,
И оживали безнадежно мертвые,
И отзывались души у бездушных.

Ты звал неутомимо, несмолкаемо,
И любящее сердце изнашивалось.
Но к Церкви прилагал Господь спасаемых,
А значит, дело жизни совершилось.

Скорбим мы. Небеса покрыты тучами.
Но верим, что по воле Провидения
Ты встретился и радуешься с душами,
Спасенными через твое служение.

ЗАГЛЯДЫВАЯ ВПЕРЕД

Жизнь пронесется всполохом зарницы
В бескрайних даях ночи роковой,
Когда ее последние страницы
Закроет время властной рукой.

Шальные годы главами романа
Всплывут на миг из дальнего вчера,
Как башня из осеннего тумана,
Как музыка любви из-под пера.

Заговорят немymi голосами,
Колесами по стыкам простучат,
Свирепо запинаят сапогами,
Подставленным плечом благословят.

А после перехода Рубикона,
Неудержимо ускоряя шаг,
К конечной вехе, как во время оно,
Рванутся в догорающих лучах.

Звезда сорвется с крыши мирозданья,
Сольются горизонты за спиной,
И заблестит немеркнущим сияньем
В нетленном свете город золотой.

ЖЕЛАНИЕ

Есть неистребимое желание —
Воду жизни пить с самозабвением,
Жить, дышать с телесным угасанием,
Умирать с нетленным возрождением;

Ошибаться с горечью кромешною,
С обретенной в Сыне высшей сладостью,
Каяться с печалью безутешною,
С благотворной, искреннею радостью;

Умаляться с видимою немощью,
С внутренним, незримым подкреплением;
Возрастать с людскою греховною ленью,
Со святым и жертвенным горением;

Веровать с плотскою неукротимостью,
С действенным духовным обрезанием,
С будущей посмертною судимостью,
С нынешним предсмертным оправданием.

ДУША

Изнывая в келье тесной,
Нервно крыльями шурша,
Рвется к родине небесной
Легкокрылая душа.

Извелась за годы странствий
Под давлением плоти
В ограниченном пространстве
Беспросветного пути.

Нет, не зря к ней в час неожиданный
Из-за ширмы черных туч
Проскользнул сквозь шлейф туманный
Золотой небесный луч.

И она затрепетала,
Встрепенулась, ожила,
В темной келье распластала
Белоснежных два крыла.

И, быть может, очень скоро
Устремится в даль Небес
Над Сионом и Фавором,
Над вершиной Эверест;

Над отравленной планетой
В край возвышенной мечты,
Чудодейственного света
И нетленной красоты.

В НЕБЕСАХ

Жизнь в Небесах
В бесконечных веках —
Отдых навек от труда.
А здесь, на земле,
Словно в седле,
Спешка, борьба, суета.

В светлых полях
В ненаглядных краях —
Вечный весенний рассвет.
А жизни река
Спешит сквозь века
По перекатам лет.

Вьется, бурлит,
Спотыкаясь, бежит
Плещет мятежной волной.
И лишь в Небесах
В несказанных лучах —
Мир, тишина и покой.

* * *

Укрепи мои стопы, Спаситель,
Дай по скорбной юдоли земной
Многотрудной, тернистой дорогой
Мне идти до конца за Тобой.

Поддержи мои руки, Спаситель,
Чтобы жертвовать щедро всегда,
Наполняя пустые ладони
Там, где правит слепая нужда.

Приготовь мои уши, Спаситель,
Чтобы Божьему гласу внимать,
Чтобы в гомоне многоголосья
Слово вечной любви различать.

Сохрани мои очи, Спаситель,
Чтобы мне не преткнуться в пути,
Чтобы видеть на каждом этапе
Твоей славы нетленной следы.

Укроти мой язык, о Спаситель,
От невольных и вольных грехов,
Чтобы ближнему в час искушенья
Не изречь обвинительных слов.

Утверди мое сердце, Спаситель,
И любовью наполни Своей,
Чтобы петь Тебе ныне и вечно
В череде нескончаемых дней.

ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ

Я однажды покину свой дом,
Как листок ветку в час увядания.
Словно вольная птица крылом,
Я рукою махну на прощание

И отправлюсь в свободный полет
С верой твердой и без сожаления.
Как же радостен будет уход!
Нет, не ждите назад возвращения.

БАЛЛАДА О САПОЖНИКЕ

Спал он внятному голосу внемля,
Что так сладко, так нежно звучал:
«Жди Меня, и вернись Я на землю,
Как Я в тот первый век обещаю».

Благодатное утро настало.
Встал сапожник, исполненный сил.
Вспомнив сон, не колеблясь нимало,
Он мгновенно и твердо решил:

«В день прихода из горнего края
Подарю я ботинки Царю.
Но размера Христова не зная,
Я Ему все размеры сошью».

Решено. С превеликой охотой
Он трудился с утра дотемна.
Но однажды, устав за работой,
Посмотрел на пейзаж из окна.

И увидел детей из приюта,
Певших песнь о Младенце Христе,
О свершении Божьего чуда,
О большой вифлеемской звезде.

Так неслись за неделей неделя.
Наконец он свой труд завершил.
Но рожденный в яслях Вифлеема
Свой приход, почитай, отложил.

И в мешок побросав все ботинки,
Воплощавшие весь его труд,
По протоптанной снежной тропинке
Потащился сапожник в приют.

Не подарками — сердцем делился,
Детям радость дарил, ободрял.
Только в полночь домой возвратился,
А под утро во сне услышал:

«Я явился тебе на тропинке,
И вдвоем мы в приют побрели.
Благодарствую, брат, за ботинки —
Они Мне в самый раз подошли.

Был Я странником — ты Меня принял;
Был Я наг — и Меня ты одел;
Был Я голоден — ты не отринул:
Приютил, накормил и согрел.

Совершил ты великое дело.
Тебе слава в небесной стране.
То, что меньшим сим братьям ты сделал,
Знай навеки: ты сделал и Мне».

ЭГОИЗМ

Умолкают высокие музы,
Разобщенные бьются сердца,
Разрываются брачные узы.
Наступило начало конца.

Несуразная блажь человека.
Как спастись ему, если, увы,
Эгоизм — этот вирус от века —
Попирает устои любви?

У души не проходит затмение,
Не смягчается сердце в груди.
Жизнь без духа любви — ублаженьё
Своенравной, строптивой плоти.

Без извечного здравого смысла,
Без солидной основы основ
Наша жизнь — только молнии вспышка
В твердой поступи грозных веков.

Есть на свете бесценная ноша,
Но для всех эгоистов всех рас
Грех приятней, важней и дороже
Всепрощающих маленьких глаз.

Опьянев от свободы и воли,
Ну, очнитесь же вы наконец,
Отрезвитесь от муки и боли
Этих рвущихся детских сердец!

В ДРЕВНЕМ
ХРАМЕ ПРИРОДЫ
ВРЕМЕНА ГОДА

Это стихотворение я написал в конце февраля в подземном гараже, где отработал 12-часовую смену на сквозняках среди холодного бетона. Я начал писать о феврале, но, когда мне принесли теплую куртку, оно превратилось в стихотворение о марте.

МАРТ

Свет вечерний по небу румяному
Расплескался цветными узорами.
Мчатся сани по снегу багряному
Сквозь закат полевыми просторами.

Зябко ежатся галки продрогшие.
Только дятел далекий без умолку
Нарушает немного спокойствие
Безмятежного серого сумрака.

Легкий дым вьется змейкой над крышами,
А за полем на пламя пожарища
Тучки черные с космами рыжими
К горизонту спешат, как пожарные.

Пал туман за речными излуками.
Жизнь в природе незримо меняется:
Со снегами, метелями, вьюгами
Божий мир с облегченьем прощается.

Лес на влажном ветру чуть колышется
В предвесеннем дремотном томлении,
И под панцирем льда уже слышится
Речки дремлющей сердцебиение.

ВЕСНА

Будто вспять обращаются годы.
Молодею, весной опьяненный.
Все теплей пряный воздух природы,
Ароматом листвы напоенный.

Все ясней дней весенних приметы.
У земли возрождается сила.
Заиграла в лесном полусвете
Тишины сладкозвучная лира.

Ожились холмы и поляны,
Шубу зимнюю с плеч своих сбросив.
В чаще бора — седые туманы,
Запах талой земли между сосен.

Затрещал под ногами валежник,
И, лучом мимолетным обласкан,
Улыбается солнцу подснежник
В благодарность за нежную ласку.

Ветер голый кустарник колышет.
За плетнем — ручейков бормотанье.
И блистает сосулька под крышей,
Как слеза в горький миг расставанья.

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Насыщен воздух влагой и озоном,
Блестит земля, омытая дождем,
И радуга под синим небосклоном
Украсила воздушный оком.

Возобновилась птичья переключка,
В дворах заголосили петухи.
Прогрохотала старенькая бричка
За мельницей крылатой у реки.

Еще блистают жемчугом дождемки,
Резвящиеся в нежной синеве,
Как ранним утром светлые росинки
На листьях и некошеной траве.

А солнце щедро в душу мне роняет
Тепло своим живительным лучом,
И ангел Божий сверху осеняет
Расправленным сияющим крылом.

НА КАНАРСКИХ ОСТРОВАХ

Все реально: ни сказки, ни мифа.
Но застынешь порой, не дыша —
В тенях пальмовых рощ Тенерифа
От красот замирает душа.

Пальмы юга, как кедров Ливана:
Красота их и вид выше слов.
В бухте острова — синь океана,
А на острове море цветов.

Нет на свете погоды прекрасней,
Чем на этой гряде островов.
Как в библейской истории с башней,
Здесь смешение всех языков.

Итальянский, немецкий, испанский —
И к чему я еще не привык —
Австралийский и американский,
А точнее, английский язык.

Светит солнце одно на планету,
И земля этим светом полна.
Только раз здесь господствует лето,
В остальные сезоны — весна.

Что поделаться с весной этой тленной,
Если жизнь лишь однажды дана?
Есть иной уголок во Вселенной —
Там, где вечная длится весна.

Я не знаю, растет ли там кактус,
Сколько цельсий по Божьей шкале,
Но уверен: там лилии пахнут,
Как не пахнут духи на земле.

Я хочу в ту весну с ее светом,
Только скудно служенье мое.
Дай мудрее, Господь, в мои лета,
Пока песня земная не спета,
Славить дивное имя Твое.

Однажды, проводя отпуск в Швейцарии, я отправился ранним утром в горы. Из-за невысокой горы доносился, как мне показалось, знакомый перезвон. Каково было мое удивление, когда вместо церкви в горном селении я увидел стадо пасущихся коров.

В ШВЕЙЦАРСКИХ АЛЬПАХ

Куда ни глянь — все гор вершины,
Лесов свисающий хитон.
Внизу роскошные долины
И стад далеких перезвон.

Туманы низкие клубятся.
Густая мгла умчалась прочь.
На елях шишки золотятся,
Как в предрождественскую ночь.

Звучит сюита водопада,
Тревожа сонные луга.
К суровым каменным громадам
Прижались грудью облака.

Как дивно Божие творенье!
И не постичь, и не понять.
В нем есть сокрытое значенье,
В нем есть особенная статья.

В нем изначальность и главенство.
В нем безупречность мастерства,
Непревзойденность совершенства,
Печать и тайна Божества.

Я умален и бессловесен.
И только птицы по весне
Мажорной гаммой звонких песен
Поют осанну в вышине.

ОСЕНЬ

Дунул сивер холодный с востока.
Вот и кончились теплые ночи.
Разнеслась по полям, по дорогам
Золотою поземкою осень.

Лик деревьев украсил румянец,
Низко тучи над лесом нависли,
И уносит вдаль ветер багрянец,
Словно годы и дни моей жизни.

Льют дожди на поля и дороги,
Мокнет роца под пестрою шалью.
Прячет грусть свою пруд одинокий
За жемчужной туманной вуалью.

Сердце гложет осенняя дума,
Наплывают унылые мысли,
И невольно впадаешь в раздумья
О нескладно сложившейся жизни.

Мы обходим на цыпочках совесть,
Забывая порой, что мы гости.
И удел наш — печальная повесть
Позабывтых крестов на погосте.

Но я верю: однажды на свете
Разразится земля сверхцветеньем —
Из морей, из могил всей планеты
Совершится святых воскресенье.

И не будет листвы увяданья,
Ни печали, ни бренности жизни —
Только вечного Солнца сиянье
В светлых далях цветущей Отчизны.

ОСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Снова осень. Грусть и увяданье.
Дальних скрипок плачущие звуки.
И опять звучит листвы шуршанье
Скорбными аккордами разлуки.

Запеваает ветер баритоном.
Улетая, вторят ему птицы.
Зарево закатное над Доном
И огни вечерние станицы.

Может, это сон, а может, грезы —
Все спелось, смешалось с прежней силой:
Муки, угрызения и слезы
Над твоей, родимая, могилой.

И ложатся листья мне на плечи,
И всплывают годы из тумана,
И горят глаза твои, как свечи
В благовонном дыме фимиама.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Отраднo вдали от больших городов,
Где веет ночная прохлада,
Вдыхать свежий воздух полей и лесов
Унылой порой листопада.

Там яркие звезды, как елок огни,
Приветливо в небе сияют,
И матовый свет бледно-желтой луны,
Пролившись в поля, пропадает.

Печально глядит в сумрак ночи стерня,
Где падал налившийся колос.
Такая в природе стоит тишина,
Что слышен свой внутренний голос.

Ни кряканья утки, ни плеска волны
На дремлющей глади озерной,
Спокойно блистающей в свете луны
Таинственной вязью узорной.

Далекой свечой робко вспыхнул восток.
В полях постепенно светает.
Лучи заливают потоками лог,
И ночь, как болезнь, отступает.

Лимонное солнце над миром встает,
Бурлящейся пеной в стакане,
И лебедь по дымной поверхности вод
Плывет в золотистом тумане.

ОТРАДА

Мне отраднo, Создатель всемогущий, всесильный,
Размышлять об уставах и делах Твоих дивных,

О событиях древних, о благих повеленьях,
О путях достославных и святых откровеньях;

Среди трав благовонных животворной весной
Пить из чаши небесной и дышать лишь Тобою;

Возвещать Твою милость в предзакатные годы
На холмистом амвоне в древнем храме природы;

Меж колоннами храма — средь стволов сквозь оконца —
Наблюдать, как садится утомленное солнце

И как катятся волны золотистого хлеба,
Чтобы слиться, как души, с беспредельностью неба.

ОСЕННИЙ РАССВЕТ

Рассветный шелест бересклета,
Покоем дышащий лиман.
Там, где беспечно пело лето,
Над полем стелется туман.

Подлунный мир еще в дремоте,
Свет нежно гладит кудри ив,
Туман в рассветной позолоте,
И блещет золотом залив.

Луна и звезды угасают
Под нежный благовест зари,
И солнце ноги погружает
В пучину пестрой мишуры.

Как будто маленькие дети,
Шалют лучи среди стволов.
Сверкают листья, как монеты,
На мягком бархате лугов.

А ведь как будто бы недавно,
Придя из северных широт,
Несчастной, жалкой и бесправной
Стояла осень у ворот.

Ждала и вдруг заголосила,
Блеснула светлою слезой
И лето вмиг похоронила
Под опадающей листвой.

Сегодня нет дождя и ветра,
Покой и мир в пустых полях.
Вокруг на сотни километров
Природа нежится в лучах.

Всему свой срок на этом свете.
Не оттого ль в тоске немой
Душа вдруг вспомнила о лете
В осенний день сороковой?

ОСЕННИЙ ЭСКИЗ

Ненаглядная сторонка.
Рощи красочный наряд.
Над полоской горизонта
Разливается закат.

В мастерской за облаками
Создается мир чудес
Утонченными мазками
По холсту седых небес.

И природа, словно дама
С нарумяненным лицом,
В разноцветную пижаму
Облачилась перед сном.

Ждать недолго остается:
Красота, увы, хрупка.
И ланит ее коснется
Леденящая рука.

И краса ее увянет,
И осыплются цветы,
Как в воздушном океане
Звезды с Млечного Пути.

БАБЬЕ ЛЕТО

Есть дивная прелесть вдали от дорог:
Погожими ясными днями
Бродить беззаботно, не чувствуя ног,
Залитыми солнцем полями;

Вдыхать чистый воздух прохладных лугов
В безлюдных воздушных просторах
И слушать в партерах багряных лесов
Листвы увядающей шорох;

Прилечь на траве под покровом небес,
Где время отмерено строго,
Глядеть восхищенно на сказочный лес —
Творение вечного Бога;

И славить Творца, что случайно попал,
Забрел, в уголок захолустный,
Где правит природа прощальный свой бал —
Пленительный, светлый и грустный.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Скудеет жизнь в багряных мокрых листьях,
Бледнеет солнце в низких небесах,
И краски, что нанес Художник кистью,
Тускнеют в обессиленных лучах.

Идет к концу осенняя фиеста
Под тихую симфонию дождей,
Наряжена, как юная невеста,
Как радуга над бархатом полей.

Идет, роняя листья, словно слезы,
Набросив шитый золотом платок,
И машут вслед ей грустные березы
С обочин искалеченных дорог.

Еще чуть-чуть — и скроется из виду.
Дохнет зима, поземкою пыля,
Метель по ней отслужит панихиду,
И белым пухом будет ей земля.

ОСЕННЕЕ НЕНАСТЬЕ

Звучит дождинок полонез,
Играет осень ретро.
Скрипит и гнется голый лес
Под вой шального ветра.

Печать уныния везде.
Льет дождь, не зная меры,
Деревья топчутся в воде,
И ветер рвется в двери.

Звучит зловеще грозный бас.
За что так ветер злится?
Не спят в домах в полночный час,
И деревьям не спится.

Одну лелеет лес мечту,
Дрожа в ночи ненастной,
Что будет вновь земля в цвету
Во дни весны прекрасной.

НОКТЮРН

Как скоро время труд свой совершило!
Испита чаша дней почти до дна.
Поземкой лет виски запорошило,
И стала поздней осенью весна.

Легла листва печатью увяданья
На первые весенние цветы,
Как на кресты венки — напоминанье
О юных днях отцветшей красоты.

Есть в осени седая грусть сонета,
Высокая цена за каждый миг,
Живой источник внутреннего света
И мудрости живительный родник.

Она, разумно дорожа мгновеньем,
Предчувствуя отпущенный ей срок,
Плывет листочком плавно по теченью,
И путь ее до устья недалек.

Дохнет зима, и белой пеленою
Укроет снег листву осенних дней,
И черный ангел тройкой вороною,
Водимый высшей милостью святою,
За горизонт направит след саней.

Нижеследующее стихотворение я написал в разгаре лета, проводя отпуск в г. Ровно среди христианских друзей.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЗИМЕ

Потонула земля в снегопаде,
Ветер песни лихие поет,
И метель в подвенечном наряде
Веселится всю ночь напролет.

В белой вате деревья и крыши.
В серой мгле среди тусклых огней
Мирно спят хутора и станицы
На пуховой постели степей.

Кружит снег над ночными полями,
Стелет шаль над замерзшей рекой.
Санный след, словно лист под ногами,
Исчезает под белой пургой.

Мчатся кони по снежному полю
И бросаются ветру на грудь.
Слава Богу за трудную долю,
За ухабистый жизненный путь.

Может быть, вот в такую же ночку
Он с небесных надзвездных высот
Мне поставит предел, словно точку,
И метель мою жизнь заметет.

ПЕСНЯ СКИТАЛЬЦА

Шел я в дали без оглядки
В зной, ненастье и буран.
Был мне пологом палатки
Распростершийся туман.

Ночью пек в золе картошку,
А к утру, набравшись сил,
Бледной лунною дорожкой
Речки вброд переходил.

В тундре ночью ледяною
В перекрестии ветров
Спал, укрывшись простынею
Аметистовых снегов.

Дни мелькали, словно пули,
Траекторией судьбы,
Как в бессменном карауле
Придорожные столбы.

Не считал я километров,
Жаден не был к серебру.
Дружбу вел с дождем и ветром,
Был влюблен в свою зарю.

И, несясь сквозь дни и годы
Мимо чистых родников,
Слушал классику природы
В переборах проводов.

Не навеки мне скитаться,
Сброшу с плеч своих суму.
Ивы грустные склонятся
К изголовью моему.

Море пенистым прибоем
Пророкочет свой псалом,
Листопад листвою укроет,
И усну недолгим сном.

ЗВУКИ
КАНУВШИХ ЛЕТ
ЛИРИКА

* * *

«От слез глаза промыты дочиста»
(Ваган Карапетян).

От слез глаза промыты дочиста,
Уста, смирившись, замолчали.
В душе на почве одиночества
Польнь нахлынувшей печали.

Не знаю, что с тобою станется,
Когда, изведав боль и муки,
Ты на рассвете вольной странницей
Уйдешь дорогами разлуки.

* * *

Была ты задумчиво-нежной
У моря под полной луной.
Я жил светозарной надеждой
На долгое счастье с тобой.

Рассыпаны звездные крошки
По черной бескрайней дыре.
Казалось, по лунной дорожке
Пойдем мы навстречу заре.

Пойдем сквозь пургу и ненастье,
Отравлены зельем мечты
О том, что грядущее счастье
Отыщем на трудном пути.

Безудержно канули годы
В бездонную пропасть времен,
И образ твой, море и звезды
Сегодня, как призрачный сон.

Надежда парит еще птицей,
А счастье, что вдаль нас влекло,
Дразня своенравной зарницей,
Блеснуло на миг и ушло.

* * *

Ветер бесится, воеет и злится,
Бьется в стылую раму окна.
Ты сказала, что ты возвратишься,
Когда больше не будет меня.

Отчего ж я тебя вспоминаю,
Грустной думой сквозь время лечу?
Ты жива, только где, я не знаю,
И в каком ставишь храме свечу.

И куда твоя тройка несется,
Распыляя копытами снег,
Как тебе в грешном мире живется
И какой там за окнами век?

Но в буране затеряны кони,
Заметен мой непрошенный след.
И тобой я давно похоронен
И на клиросе храма отпет.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Закат сияет, как иконостас,
Свечой дрожит звезда за дымкой дальней.
Чужая чья-то юность в первый раз
Зарю встречает песнею печальной.

Взлетает звонкий голос к небесам,
Парит свободной птицей над полями,
Скользит, как легкий парус по волнам,
Разносится разгульными ветрами

И с затаенной горечью поет
В вечернем бледно-розовом тумане
О юности, которая пройдет,
О жизни, что не раз еще обманет.

* * *

Мы вдвоем плыли в лодке с тобою,
Лес чернел на крутых берегах.
Весь твой облик с отрадой живою
Был загадочным в бледных лучах.

Где-то рядом дремали кувшинки,
Отражавшие матовый свет.
С неба падали звезды-снежинки,
Проносьясь мимо дальних планет.

Пронеслись быстротечные годы,
И не раз мне являлись во сне
Позолотой покрытые воды
С мириадами звезд в глубине,

Юный голос в тиши мироздания,
Медь волос в васильковом венце,
Удручающий миг расставанья
И слеза на невинном лице.

* * *

День неспешно уносится,
Меркнет солнечный свет.
Из-за плеса доносятся
Звуки канувших лет.

Не спеша приближаются
В своем водном пути,
В тишине отзываются
Сладкой болью в груди.

Эти звуки щемящие —
Светлый вальс среди ив.
Только веет не счастьем мне
Взволновавший мотив.

Их мелодика плавная,
Вызвав чувств кутерьму,
Возвращает в недавнее.
А зачем — не пойму.

Мучит душу томление,
Боль сверлит у виска.
Наплывает волнение,
Подступает тоска.

От тоски разрывается,
Стонет сердце в груди.
Это юность кончается
И не хочет уйти.

* * *

Благоухали мята и левкой.
Прошли дожди, утихли гроз раскаты.
В вечернем платье с шалью голубой
Донельзя ослепительной была ты.

Алел закат, как красное вино,
И, опьяненный чувствами до боли,
Я в блеске синих глаз смотрел кино,
Где ты была актрисой в главной роли.

Я образ твой любимый не забыл,
Слова твои и голос вспоминая,
И долго фотографию хранил,
Где ты стоишь, как прежде, молодая.

Увы, все миновало, словно сон.
Умчалась юность поездом с откоса,
И жизнь моя несется под уклон.
И все быстрее вращаются колеса.

Памяти Л. С. — моей первой любви

ВОСПОМИНАНИЕ

О Боже, как давно все это было!
Как майский вечер, годы пронеслись.
Вот и опять, как в ту весну, незримо
Передо мной ты, юная, стоишь —

Дороже всех земель и стран на карте,
В нарядном платье с синенькой каймой.
Я твое имя вырезал на парте,
Не спал ночами, потеряв покой.

Играет светлой челкой легкий ветер.
В живых глазах и синь, и чистота.
Я никогда с тех пор тебя не встретил
И знаю, что не встречу никогда.

Я на земле искал тебя напрасно:
В реке времен так хрупок вешний лед.
Ты, как звезда, светила и погасла,
Но свет ее в душе моей живет.

НАПЕВ

Грезят окна в ночи
В тусклом свете лучей,
Тает пламя свечи
В царстве бледных теней.

Светлый след по воде
Прочертила луна,
Молоком по плите
Пролилась тишина.

Вдруг среди тишины
Бубенцом зазвенел
Чьей-то дальней весны
Позабытый напев.

Он ворвался в мой дом,
Словно солнечный свет,
Телефонным звонком
Растревоженных лет;

Болью горьких потерь
Через сердце прошел,
Вышел в заднюю дверь,
Поспешил через дол

И пропал вдалеке,
За жемчужной рекой,
Словно след на песке,
Словно пенный прибой.

ПАМЯТНЫЙ ВЕЧЕР

Давным-давно расстались мы с тобой.
О, если бы тот вечер мог вернуться!
Ты так благоухала чистотой,
Что я не смел руки твоей коснуться.

В огне желаний мучилась душа,
Но чувства над невинностью не властны.
Я слушал и смотрел, едва дыша,
На профиль твой мучительно-прекрасный.

О чем мы говорили, я забыл.
И ты, пожалуй, тоже позабыла.
Пускай я дивных чувств не сохранил,
Но память дивный вечер сохранила.

В окно несло прохладой от реки.
Рождались звуки под твоей рукою.
Я сердцем декламировал стихи,
И стали мы единою душою.

Дрожала на подсвечнике свеча,
Вздыхали вдохновенные аккорды,
И бледных золотились два луча
В глазах твоих молитвенно-покорных.

* * *

Разбросала судьба роковая,
 Нас с тобой по чужим берегам.
 Те погибшие дни вспоминая,
 Слышу голос живой по ночам.

Беспокойными смутными снами
 Ты тревожишь мой чуткий рассвет,
 Словно взорванный мост над годами,
 Словно боль разделяющих лет.

Едва над городом опустилась мгла, забились цветные струи фонтанов и зазвучала музыка, уносившая меня в прошлые столетия. И первое, что пришло на память, были строки Генриха Гейне в переводе Льва Гинзбурга:

И встает из дали дальней
 Позабытый мир былой
 С пестротой карнавальной
 И отцветшей красотой.

Неудивительно, что нижеследующее стихотворение я написал в этом же размере.

БАРСЕЛОНСКИЕ ФОНТАНЫ

Барселонские фонтаны —
 Это чудо, красота:

Белоснежные туманы,
Вешней радуги цвета,

Поле пестрое тюльпанов,
Клекот чистых родников,
Платье длинное с воланом,
Сегидилья каблучков;

Трепет юбки шелестящей,
Роза в черных волосах;
Силой тайною манящий
Звездный танец в небесах;

Лунной ночи серенады,
Ритм веселых кастаньет,
Отзвучавшие рулады
Опочивших дней и лет.

Это плавный петенерас,
Пятиструнный перебор,
Динамичный панадерос,
Огнедышащий задор;

Это храмовые свечи,
Это время, что ушло, —
Все, что было столь далече
И случайно ожило.

СТРОКИ, ВОДИМЫЕ
БОЛЬЮ ДУШИ

СТИХИ ГРАЖДАНСКИЕ

* * *

Скрылся за тучами серп луны,
Но книги и стол еще освещены
Серебряным светом моей седины.
И строки, водимые болью души,
Врастают в бумагу в полночной тиши
Рядами еще неспевшей ржи.

А Я ЕЩЕ НА СВЕТЕ НЕ ЖИВУ

Когда я вижу орденские планки
И плачущую старую вдову,
Я слышу, как ползут по полю танки,
Хотя еще на свете не живу.

Гляжу на снимки старые в оправе
И вижу ночью шлюпки на плаву.
Идут ко дну бойцы на переправе,
А я еще на свете не живу.

Когда хоронят друга ветераны,
Я каждым нервом, будто наяву,
В просторах, где свинцовые бураны,
Хотя еще на свете не живу.

Я — с горсткой, сокрушивших злую силу
И рухнувших сраженными в траву.
Нас опускают в братскую могилу...
А я еще на свете не живу.

Я БЫ НЕ ПОШЕЛ В АФГАНИСТАН

Я бы не пошел в Афганистан,
Если бы туда меня послали.
Если б трибуналом угрожали,
Я бы не пошел в Афганистан.

Я не стал бы жизнью рисковать
За чужую тупость и упрямство,
И с завидным редким постоянством
Кровь людей, как воду, проливать.

Оборвались жизни молодых —
Краткие, как миг слепящей вспышки.
С плачем сыплют землю им на крышки
Мамы, поседевшие за миг.

Хватит гнать гробы через кордон
Из чужих песков Афганистана!
Мы же сыпем соль себе на рану
Вопреки решению ООН.

Я бы не пошел в тот ураган,
Хоть готов полезть и в преисподнюю.
Будь мне восемнадцать лет сегодня...
Я б, как все, пошел в Афганистан.

ИНЕРЦИЯ СЛЕПОТЫ

«Я есмь путь...» (Ин. 14:6).

Знать бы им, хребет тогда ломая,
В честь и совесть целясь, как в собак,
Вековые корни вырывая,
Сколь обильный вырастет сорняк,
Что того насилья еще мало.
И летели щепки в вихре лет.
Пролетели белые сначала,
А за ними красные вослед.
Шумные кампании гурьбою
С ненасытной жаждою смертей
Отравляли ложной клеветою
Страхом дрессированных людей.
И доколе ложь в высоком слове
Цепко держит совесть в кабале,
Будет страх, замешанный на крови,
Оказаться лишним на земле.
Черная болотная трясина.

Ни пути, ни храма, ни огней.
Лес порублен волей властелина,
И чернеют пни среди костей.
Где они, заветные вершины,
Что народ наш будто покорил?
Оглянусь, а позади руины
Да чертополох родных могил.
Русь моя, куда же ты? Пстой-ка!
Не простор, а пропасть впереди.
В шорах мчится вихрем птица-тройка
С ямщиком, не знающим Пути.

НА СМЕРТЬ А. САХАРОВА

Когда умирает родитель,
Для детей это горе, невзгода.
Когда умирает правитель,
Это скорбь и потеря народа.

Когда умирает пророк,
Травимый, гонимый отечеством,
Не в силах осмыслить острог
Потерю всего человечества.

* * *

«Незнание — сила». (Джордж Оруэлл)

Белый уголь, черный снег —
Хорошо, что не навек.
Кто твердил: прямая — угол,
Так действительно не думал.
Жить по лжи удобно было,
Ведь незнание — это сила.

* * *

Как хочется мир переделать,
Когда неизвестно, что делать!

СТОЙ! КТО ИДЕТ?

За что человек, словно в зоне, живет
И слышит злое: «Стой! Кто идет?»

Он, все понимая, никак не поймет,
Зачем ему, вольному: «Стой! Кто идет?»

Когда его гонят на бойню, как скот,
Он сам окликает: «Эй, стой! Кто идет?»

Когда по грязи на коленях ползет,
Звучит угрожающе: «Стой! Кто идет?»

А если хоть раз, распрямляясь, встает,
Залают собаки: «Эй, стой! Кто идет?»

Затравят всей псарней и кляп ему в рот:
«Ты слышала, контра: „Эй, стой! Кто идет“?»

Никто не поможет, ничто не спасет
От жуткого лая: «Эй, стой! Кто идет?»

А если подняться, а если бежать?
Тут голос из мрака: «Стой! Буду стрелять!»

ВАЖНАЯ ПЕРСОНА

Он энергичен, молод, знаменит,
Пускает пыль в глаза легко и ловко.
Вот вновь его фамилия пестрит
С утра во всех газетных заголовках.

Куда бы свой он путь ни устремил,
За ним толпа жужжащих папарацци
Альянсом всех объединенных наций,
Да свита и охрана из верзил.

Ну что с того, что перед ним встают,
Когда он входит в зал больших собраний,
Что лимузин к подъезду подают,
Что «джет» его летит вне расписаний,

Что капитал накоплен на века,
Что вложен и в стране, и за границей,
Коль в Книге жизни имя чудака
Не вписано ни на одной странице?

МОИ ГОРОДА

Сердцу снится тот город, который однажды покинул
И куда возвратился на миг я всего только раз.
Заглядевшись на небо, завидую птичьему клину,
Но нет силы взлететь, да и близок двенадцатый час.

Я уехал полвека назад на закате, в апреле,
Когда солнце садилось и розы цвели по весне.
Что он слышал и знает о Новочеркасском расстреле,
О последних мгновениях Марченко и Делане?

Он живет своей жизнью — размеренной, неторопливой —
Вдалеке от всемирных проблем, потрясений и бурь,
Где, как лебеди, плавно, величественно и красиво
Облака в синей речке плывут, рассекая лазурь.

Я к нему не вернусь, хоть еще возвращусь не однажды,
Расскажу без прикрас в старом парке среди тишины
Об еще одном городе и о семерке отважных —
Тех, кто в августе вышел на площадь в защиту весны.

Так сложилась судьба, так сплелись обстоятельства жизни —
Ни в один, ни в другой не вернусь я вовек молодым.
Есть еще один город в далекой, но близкой отчизне,
И его, запредельный, по праву считаю родным.

Там нет мерзкой неправды, жестокой борьбы, преступлений,
Плача сирот и вдов и потоков пролитой крови.
Там в едином порыве спасенные всех поколений
Восклицают: «Осанна!» в лучах бескорыстной любви.

Его вид и величие выше любых представлений,
Он дороже душе самых лестных на свете похвал.
Город славы небесной, предел вековых стремлений,
Город всех городов и конечный, последний причал.

СОДЕРЖАНИЕ

КАРТИНЫ ЖИЗНИ НА ХОЛСТЕ СТОЛЕТИЙ

СТИХИ ДУХОВНЫЕ

Аллилуйя	31
А мир не знал	101
Баллада о дочери	90
Баллада о сапожнике	176
Банальная житейская картина...	30
Благовещение	43
Благоусмотрение	129
Бренность	120
В вечерний час	167
В духе смирения	166
Великая любовь	100
Вера	50
Вера и неверие	82
Вехи духовного развития	107
Вечность	59
В конечном счете	60
В конце пути	145
В лодке	86
В минуту слабости	42
В небесах	174
В небесной обители	118
Вопросы	111

В плену у жизни	139
Встреча в саду	95
В эмиграции	125
Главное	134
Годы	130
Голубка	56
Гордец на все взирает...	136
Господу нашему	113
Для тех, кто любит...	34
Дневные труды	117
Доверие	97
Долго, Боже, в сердце...	16
Духовный труд	124
Душа	173
Если стали мы...	34
Есть за что	80
Жалкий, потерянный...	15
Желание	172
Жизнь с Богом	119
Загадка	48
Заглядывая вперед	171
Знатоки	69
Извечная загадка	115
Камень	92
Клара Шуман...	26
К небу	71
Кони	152

Кончина жизни...	161
Коротко о важном	102
Красота	159
Кресты	70
Кто?	62
Ликуй, душа!	141
Лицемер	33
Любила ты гимны...	96
Любовь	37
Материнская любовь	25
Мать	57
Милосердие	121
Мир решает проблемы...	128
Мне мерзок мир...	146
Мне тепло оттого...	63
Мой путь	64
Молись	85
Молитва	19
Музыка души	11
Муки совести	17
Муки творчества	109
Муравьи	45
На 25-летие бракосочетания	38
На далекой версте	51
На исцеление жены	41
Нам Божьего Духа...	24
На побелевших нивах	55

Начало	63
На чтение Библии	26
На чтение Евангелия	58
Небесный художник	132
Необычное в обычном	94
Нечем хвалиться	60
Нужда	29
Обетование	84
Облака	154
Ободрись!	99
Обреченные	83
Оглядываясь назад	127
Однажды весь мир...	22
О друзьях	150
Он учил относиться...	103
Отчаяние	12
Очищение	160
Памяти матери	54
Памяти матери Терезы	108
Памяти Ярла Пейсти	169
Пастор и миллиардер	27
Первопроходец	157
Перед дальней дорогой	176
Передышка	73
Побег	35
По Виа Долороса	162
Под небом бескрайним...	140

Поиски Бога	99
Полезный совет	137
Положенный путь	76
Праведность	168
Предначертание	44
Признание	14
Призыв	32
Прославление Христа	98
Прощание	142
Пушинка на ладони	122
Пятнадцать лет спустя	143
Разговор с дочерью	93
Размышления у картины	74
Разные ценности	135
Регистрация	66
Рождество	44
Свидетельство	20
Святому Духу	23
Сила веры	79
Скупость и щедрость	78
Слепой и поводья	88
Служение	68
Смысл жизни	72
Стихи о жизни	81
Суд истории	53
С щенячьим восторгом...	22
Теплые	77

Тихий городок...	155
Только верь	40
У Балтийского моря	114
Убийство	147
Укрепи мои стопы...	175
Урок	46
Утренние раздумья	13
Христово воскресение	164
Христос	110
Что жизнь земная?	154
Шаги над бездной	104
Эгоизм	178
Юному христианину	49
Я знаю	87
Я нуждаюсь в Тебе	138

В ДРЕВНЕМ ХРАМЕ ПРИРОДЫ

ВРЕМЕНА ГОДА

Бабье лето	198
Весна	184
Воспоминание о зиме	202
В Швейцарских Альпах	188
Март	183
На Канарских островах	186
Ноктюрн	201
Осеннее ненастье	200

Осенний рассвет	195
Осенний эскиз	197
Осенняя грусть	192
Осенняя ночь	193
Осень	190
Отрада	194
Песня скитальца	203
Поздняя осень	199
После ливня	185

ЗВУКИ КАНУВШИХ ЛЕТ

ЛИРИКА

Барселонские фонтаны	217
Благоухали мята и левкой...	212
Была ты задумчиво-нежной...	207
Ветер бесится...	208
Вечерняя песня	209
Воспоминание	213
День неспешно уносится...	211
Мы вдвоем плыли в лодке...	210
Напев	214
Ночь	219
От слез глаза...	207
Памятный вечер	216
Разбросала судьба...	217

Александр Сибилев

Исповедь прощенного

Директор Павел Давидюк
Ответственный за выпуск *Вальдемар Цорн*
Редактор *Вальдемар Цорн*
Корректор *Елена Пеннер*
Верстка и дизайн *Андрея Цорна*

Свидетельство о государственной регистрации,
№ 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной
в г. Киеве государственной администрацией 13.10.09

Изд. № 01.544. Подписано в печать 26.11.13
Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 84x108/32
Гарнитура: AcademyC, DecorC
Печать офсет. Усл. печ. л. 10,29. Тираж 2 000 экз.
Заказ № 5023656-503100

УМО «Свет на Востоке»,
ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев, Украина

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany

Стихи поэта, светлые, сильные и чистые, побуждают к действию: молитве, изменению взаимоотношений с людьми или просто утешают и ободряют. Собранные в сборник, они составляют истинную шкатулку с драгоценностями, которые хочется сохранить, но которыми с радостью делишься с другими.